Индия. Записки белого человека (отрывки)

Михаил Володин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Надергано отсюда:
http://avgur.livejournal.com/tag/%D0%97%D0%91%D0%A7

-
- 2. Перст судьбы
- 3. Глава девятая. Нищие МакЛеод Ганджа
- 4. Глава девятнадцатая. Хозяйка лая
- 5. Глава шестнадцатая. Флейта
- 6. Глава пятая. Прекрасная незнакомка
- 7. Глава третья. Рикша Раджу
- 9. Глава семнадцатая. Сант Шри Дургачарья и ящерица Джим
- 10. Глава одиннадцатая. Моя ненаглядная Шанти
- 11. Глава двенадцатая. Посланец аватара
- 12. Глава пятнадцатая. Коровье ухо
- 13. Глава десятая. Другая жизнь
- На подступах к Калачакре
- Глава тринадцатая. Пес из чужой стаи
- Глава восемнадцатая. Под стук колес
- Карта путешествия

Мне было четыре года, не больше — в пять наша семья переехала в отдельную квартиру, а до этого мы, по словам мамы, ютились в углу у бабушки. Так вот, однажды я пришел со двора страшно грязным. Собственно, я редко приходил другим. Бабушка едва успевала стирать мою одежду. При этом она вечно ругалась: «Вы только взгляните на него, чистый трубочист!» На трубочиста я не обижался: так называли внуков все бабушки. Но, похоже, в тот раз я пришел грязнее обычного. Бабушка, вынимая меня из набухших от грязи штанов, неожиданно горько выдохнула:

— Ты — мой черный человек!

— Почему черный? — наивно спросил я.

— Потому что белые люди так себя не ведут.

Как должны себя вести белые люди, я и по сейчас не знаю. И спросить, увы, некого. Уверен, бабушка имела в виду все, что угодно, только не цвет кожи. Была она на десять лет старше Великой Октябрьской социалистической революции и, как большинству советских людей, расизм ей был чужд. Скорее всего, ее идеальный белый человек был похож на героев Киплинга: умный, смелый, благородный и, конечно же, чистый. А черный человек, возможно, тоже был прекрасен и светел душой, но малограмотен и грязен телом. И уж конечно, любила она обоих!

Бедная моя бабушка. Бедный, бедный Киплинг! И мы — мы тоже бедные: уж больно неумно живем. Чтобы понять это, не нужно ехать в Индию. Но я уже здесь! Я — «сахиб», «белая обезьяна» — шатаюсь по Индии, наблюдаю за туземцами и время от времени что-то беспорядочно записываю в толстый блокнот. Так и получаются эти записки страшно далекого от идеала Белого человека (БЧ).

2. Перст судьбы

Среди зимы, когда снега накрывают Москву по самые кремлевские звезды, или осенью, когда дожди стучат по крышам, как медяки в кружках у нищих, однажды идешь мимо здания Московского правительства, что на Тверской, невесело думаешь о чем-то своем и вдруг застываешь на месте, словно окликнул кто-то. Не крути головой! Вон он, над тобой, навис черной тучей на черном коне, взглядом как копьем пронзает, длань протянул в сторону аэропорта Домодедово и говорит, не разжимая губ.

О чем это он? Про что так невесело?

Про снег с дождем, про трещину в паху у лошади, про до смерти надоевшего Лужкова... И получается, что будь его воля, так немедленно он и оставил бы он свой пьедестал в центре Москвы, и отправился бы в теплые края.

Куда? А хоть бы и в Индию! Вон сапоги уже сколько лет твердят об Индийском океане.

Он замолкает, и ты уходишь в дождь со снегом. И к моменту, когда добираешься до дома, у тебя готов текст объявления о сдаче квартиры. А через два дня появляется тот, кто будет в ней жить.

...И вот ты уже сидишь на скале и смотришь вниз на бесконечные волны, и молишь Бога о том, чтобы нефть в мире не подешевела, чтобы у квартиросъемщика не кончались деньги и, как это ни подло, о том, чтобы Индия всегда оставалась страной третьего мира, где можно спать, есть, заниматься йогой и медитациями, учиться массажу и игре на флейте — и все за триста долларов в месяц.

3. Глава девятая. Нищие МакЛеод Ганджа

— Бабу, бабу-у! — ноет бабушка и сотрясает воздух культями, прося милостыню. А обрубки такие гладкие, словно никогда и не было у нее ни пальцев, ни ладошек.

Каких только нищих нет в МакЛеод Гандже! Любых представьте — безруких, безногих, слепых, изуродованных болезнями — и, можете не сомневаться, все найдутся. Не у автобусной остановки, так возле входа в гостиницу «Тибет», не там, так рядом с храмом Далай Ламы. Но есть среди здешних попрошаек такие, каких и вообразить-то непросто: уродцы с вывернутыми конечностями — они самые страшные! Ползет такой, поспешая за тобой, одна нога торчит от груди пистолетом, другая, переломанная в ста местах, загибается за спину, как хвост скорпиона. А передвигается он на руках. И вот ведь, не отстает ни на шаг, в глаза заглядывает и тянет со счастливой улыбкой: «Бабу, ба-а-абу!»

Ну, какой я, в самом деле, бабу?! В Индии так называют людей степенных и обеспеченных. А я — дерьмо-дерьмом, иду в линялой майке и полотняных штанах, и на ходу жую мандарины. Я уже неделю не могу получить деньги в местном офисе «Маниграма» и потому расплачиваюсь с нищими цитрусовыми. Вот тебе, бабушка, долька. Вот тебе, мальчик, половинка. Держи и ты, дядя! Помолитесь там за меня, кому надо.

4. Глава девятнадцатая. Хозяйка лая

I.

Каждую ночь, выходя на балкон и всматриваясь в густую темноту ночного МакЛеод Ганджа, я клянусь самой страшной клятвой сменить жилье. Снизу, с улочки, ведущей к главной площади и дальше к храму Далай Ламы, и сверху, со склонов гор, справа и слева, из таких же, как мой, ступенями поднимающихся к вершине холма домов, несется яростный собачий лай.

Я ненавижу собак МакЛеод Ганджа и не понимаю, почему местные жители терпят этих тварей. Ну, буддисты, ясное дело, но ведь не мазохисты же! Утром я всматриваюсь в прохожих, пытаясь понять, как им спалось минувшей ночью. Но лица тибетцев невозмутимы.

Я бы давно уже перебрался в другое, более спокойное место, если бы не вид с балкона и не прогулки по лестницам, которые, переносясь от дома к дому, заменяют улочки и придают поселку неповторимую красоту.

К середине дня, бродя по этим лестницам с фотоаппаратом в руках, протискиваясь в щели между домами, норовя сломать шею при очередном спуске по бетонным желобам для стока дождевых вод, я забываю о ночных страданиях и уже не хочу никуда переезжать.

II.

Из собачьего лая, пусть и оглушительного, истории не скроишь. Я и не стал бы рассказывать о своих мучениях, если бы не одно происшествие. На днях, гуляя по лестницам МакЛеод Ганджа, я оказался в незнакомом районе, и сколько ни пытался выбраться, проходы либо заканчивались тупиками, либо приводили туда, где я уже бывал.

Наконец, я заплутал окончательно. Дома прижимались так плотно друг к другу, что видневшийся вверху крошечный клочок неба почти не давал света. Я не мог понять, как сюда попал: с четырех сторон теснились дома тибетской бедноты, где вместо дверей висели старые поблекшие от времени куски ткани.

Внезапно в метре от меня раздался лай. Это было так неожиданно, что я невольно отшатнулся. За невысокой оградой, отделявшей крошечную террасу, сгрудившись, лежали шесть или

семь собак. Через мгновение все они, повернув морды в мою сторону, заходились в истошном лае.

Прошло еще несколько минут и на террасе показалась старуха. Заметив меня, она шикнула на свору, и та тотчас умолкла. Я только и нашел спросить, зачем ей столько собак, но вместо ответа она махнула рукой, приглашая следовать за ней. Мы поднялись по металлической лестнице на площадку с баком для воды, а оттуда по назаметному снизу коридору к еще одному загону, где еще по меньшей мере десять огромных псов стояли на задних лапах, упершись передними в деревянный забор, и заходились в собачьей истерике.

Здесь было немного светлее, и я достал фотоаппарат, чтобы сделать несколько снимков. Но старуха не желала ждать, она настойчиво звала меня куда-то еще. Возле третьего загона я обнаружил проход между домами. Прежде, чем уйти, я окликнул старуху — раз, потом еще раз, уже громче. Но она, не оборачиваясь, уходила дальше, туда, откуда давно уже доносились голоса собак. И только тут я понял, что моя провожатая была совершенно глухой.

5. Глава шестнадцатая. Флейта

Поезд везет меня из Гокарны в Дели. Полтора суток кряду стучат колеса, кричат продавцы, разговаривают попутчики. На скамейке напротив меня сидит мальчик и что есть мочи дудит в свистульку: в какой-то момент он заметил, что меня это раздражает, и теперь, всякий раз подув, бросает внимательный взгляд в мою сторону. От этого или от чего-то еще мне становится очень одиноко.

Я достаю из рюкзака круглый пластмассовый футляр и выхожу в тамбур. В футляре — флейта. Я купил ее три недели назад у замечательного мастера в Варкале. У нее глубокий бархатистый голос, она приятна наощупь: бамбук кажется прохладным в жаркие дневные часы. Он обожжен для прочности — говорят, это защищает флейту от перепадов температур. Так это или нет, не знаю, но мне нравится ее запах, он напоминает просмоленные лыжи из детства. Флейта — единственное родное мне существо в этом вагоне.

В тамбуре я бережно достаю ее из футляра, подношу к губам и как учил меня мастер из Варкалы, резко, словно сплевывая, дую в основное отверстие, закрывая пальцами шесть остальных. И рождается звук. Это «до» средней октавы.

Бансури, продольная флейта — один из самых древних инструментов. От нее ведет историю ее родная сестра, флейта классическая. Если сделать переложение, то на бансури можно играть классику — Моцарта, Баха... Но я взял в руки флейту впервые три недели назад. У меня пока мало что получается. Я сумел лишь подобрать старинную немецкую песню. Там есть одно очень сложное место, где на форсаже надо перейти с «ре» средней октавы на «соль» малой. Вот так…

Я еду из Гокарны в Дели. Тридцать шесть часов — это очень утомительный и долгий путь. В темноте не разобрать, где мы катим. Города похожи один на другой, люди схожи друг с другом, и дни почти неразличимы. Я играю на флейте в тамбуре, и индийцы — десяток смуглолицых мужчин и женщин — толпятся вокруг меня. Они любопытны до навязчивости и, кажется, способны влезть внутрь моего бамбукового инструмента. А вокруг глухая южная ночь, и стук колес, и голос флейты. Нет-нет, я не упрям — я готов немедленно прекратить игру, если они заткнут своего ребенка! Господи, неужели ни один не чувствует, как мне херово среди вас?!

6. Глава пятая. Прекрасная незнакомка

Она сидела у окна вегетарианской забегаловки, каких в МакЛеод Гандже множество, и смотрела на узкую улочку, запруженную торговцами, нищими и туристами. Я зацепился за ее взгляд, и вопрос, где пообедать, решился сам собой. Как раз тогда, когда я входил, ей принесли еду: рис и тарелку приготовленных на пару овощей. Она как-то грустно, чуть в сторону улыбнулась, поймав мой взгляд. Я сел за соседний столик и продолжил украдкой наблюдать за незнакомкой.

У нее была крупная, красиво посаженная голова. Из-за короткой стрижки, неподвижные серые глаза казались больше, чем были на самом деле. Перед тем, как подцепить овощи, она всякий раз по-детски хмурилась. Было заметно, что палочками она пользуется нечасто.

— Вы художник? — спросила она, слегка повернувшись в мою сторону. — Вы так на меня смотрите, словно портрет рисуете.

Из-за едва заметного акцента и очень светлой кожи я принял ее за шведку, но она оказалась голландкой. Разговор возник сам собой и без принуждений и усилий тек своим чередом. Я заказал тофу с черными китайскими грибами и пересел за ее столик. Вскоре я уже знал, что она не замужем и путешествует по Индии одна. Было удивительно, что наши пути не пересеклись раньше, такой неслучайной и нужной казалась эта встреча.

Она жила в МакЛеод Гандже с февраля и пока не собиралась уезжать. Зарабатывала она тем, что писала любовные романы — по книжке в месяц, а тратила на уроки шиацу.

— Сделаешь мне массаж? — спросил я и с улыбкой положил свою руку поверх ее руки. Она осторожно высвободила ладонь и быстро нажала на точку между большим и указательным пальцами. Это было так неожиданно, что я не удержался и вскрикнул.

— Сделаю, — спокойно сказала она и еще минут пять потом сидела и ждала, пока я доедал тофу с грибами.

Мы расплатились и вышли из кафе. Надо было решать, что делать дальше. Я взял ее за руку и хотел предложить пойти в кино, но вторично, как тогда, когда она нажала на болевую точку, по телу прошел электрический ток: левая, до сих пор скрытая под столом рука незнакомки заканчивалась безобразным обрубком, из которого торчали три крошечных, похожих на фасолины пальца.

Я поднял глаза и встретился с ее улыбкой — грустной,

нацеленной мимо меня и неизвестно кому предназначенной. Мы шли еще некоторое время вместе. Потом она остановилась у киоска с украшениями, а я, стараясь выглядеть как можно более естественно, пошел дальше.

7. Глава третья. Рикша Раджу

I.

Я иду от гостиницы на берегу океана к храму Джаганнатха в центре Пури, а он медленно едет за мной и занудным голосом убеждает, что пешком мне не дойти.

— Поехали, сэр! — монотонно повторяет рикша, и я понимаю, что мне от него не отделаться, и что прогулка, обещавшая быть спокойной и радостной, превращается в испытание.

— Сколько? — спрашиваю я, не выдержав.

— Недорого! — ухмыляется рикша и распахивает передо мной дверцу кабины. Он чувствует себя хозяином положения, но я делаю вид, что не заметил раскрытой дверцы. Если сесть, не договорившись о цене, то поездка, наверняка, окажется дороже, чем на такси.

— Сколько, недорого?

— Недорого, значит совсем чуть-чуть!

Рикша смеется, и я смеюсь в ответ. Бог с ней с прогулкой, есть вещи и позабавнее! Мы оба смеемся, но при этом я продолжаю идти пешком, а он едет следом. Наконец, то ли заскучав, то ли поняв, что чем ближе храм, тем меньше у него шансов заработать, рикша сдается и называет цену.

— Двадцать рупий, сэр! Всего двадцать рупий! — он уверен, что я соглашусь: цена нормальная. Но я делаю изумленное лицо и говорю:

— Ты сошел с ума! За такие деньги можно доехать отсюда до Бхубанешвара. Ты что хочешь стать миллионером за мой счет?!

Рикша потрясен ответом настолько, что тотчас же соглашается на пятнадцать. Но мне этого мало.

— Десять, — я не даю противнику оправиться и застываю поперек дороги, перегораживая путь коляске.

Рикша мрачнеет. Столько платят за проезд местные. Согласиться на такой бакшиш от белого — признать полное поражение. В другое время он бы высказал все, что думает обо мне, но дело зашло слишком далеко — он столько времени потратил на мою обработку! Стараясь не смотреть мне в глаза, он показывает на кабину.

— Так десять, договорились? — для верности переспрашиваю я, и он молча кивает головой. Как только я устраиваюсь внутри, рикша начинает крутить педали с такой скоростью, что по

сторонам в ужасе разбегаются магазины, лавки, лавчонки.

— Эй, помедленнее! — кричу я ему, но он, не обращая внимания, прет в сторону храма и на ходу успевает махнуть рукой знакомым: как-никак, он при деле, и в коляске у него — сахиб, хотя и омерзительно жадный.

Через десять минут мы на месте. Я выхожу из коляски и лениво лезу в карман. Он протягивает руку за деньгами, и в его ладони оказываются три бумажки по десять рупий.

II.

На следующее утро рикша ждет у гостиницы. Чтобы не упустить странного клиента, он приезжает к шести, и когда в девять я выхожу из номера, он издалека радостно улыбается и загодя распахивает дверцу коляски. Его зовут Раджу, ему 23 года, он услужлив без подобострастия, и у него веселый нрав. Три дня он возит меня, показывая местные достопримечательности, и пытается быть еще и экскурсоводом. Когда Раджу чего-то не знает, он тут же придумывает. Он путает названия рыб, деревьев и храмов. Но мне это не важно, мне интересен он сам.

В пути мы разговариваем. Мы подтруниваем друг над другом, как старые знакомые, но при этом Раджу не забывает после каждой фразы добавлять «сэр». Он распрашивает меня о Москве, о том, как я живу. Ему все интересно.

— У вас есть дети, сэр?

— Да, двое. Сыновья.

— Сколько им лет?

— Такие же оболтусы, как ты. Кстати, ты почему не учишься?

— Вы бы, сэр, еще спросили, почему я на рикше не езжу! У меня сестра в университете. И еще две есть — их нужно замуж выдать.

— Это, что же, ты должен их выдать?

— А кто еще! Отец на пенсии, мама болеет. А в школе, между прочим, я отличником был. Математику знал лучше всех.

Мы едем мимо рыбного рынка, проезжаем скобяные и обувные мастерские, слева остается недостроенное здание школы. Еще минут пять, и мы выедем за ворота университета. Там граница города, дальше океан с пустынным на десятки километров пляжем, где на песке разбросаны панцири гигантских черепах. Если такая попадает в рыбацкие сети, то задыхается, а рыбаки, пока тащат ее, радуются — вон сколько рыбы!

Завтра я уезжаю из Пури. Прекрасный город! Таких в Индии мало — туристы еще не успели сломать его многовековой уклад.

Здесь не видать «макдональдсов», зато завернутые в холстину трупы сжигают прямо в центре города, и всякий может зайти посмотреть. Сюда на праздник съезжаются паломники — больше миллиона! Они впрягаются в огромные колесницы (каждое колесо в два человеческих роста!) и вывозят из храма три статуи — Джаганатха и его божественных брата и сестру. Их моют сначала водой, потом молоком, а потом бхангом — конопляным настоем. Люди тоже пьют бханг и забывают обо всех своих бедах: о том, что рыба мелкая, а денег мало.

Раджу крутит педали и думает о чем-то своем. Он высок, молод, черен и красив. Когда уходит в себя, он перестает улыбаться.

— А коляска твоя? — спрашиваю я, выходя, и он не сразу понимает о чем это я.

— Что вы, сэр! Я зарабатываю сто, иногда двести рупий в день, и из них пятьдесят отдаю хозяину. Если бы своя...

— А может лучше купить?

Раджу смотрит на меня, как на недоразвитого: мол, что с этого сахиба возьмешь, вначале торгуется, как сумасшедший, потом переплачивает в три раза, а в конце задает дурацкие вопросы.

— Сколько такая стоит? — я показываю на коляску.

— Такая — десять тысяч, — Раджу смотрит на меня, оценивая, какой эффект произведет цена. — Чуть поновее, тысяч двенадцать-тринадцать. А новая, — он делает круглые глаза, — больше двадцати.

Пока я пересчитываю рупии в доллары, рикше в голову приходит светлая мысль, и он добавляет: — Вот в прошлом году был здесь один англичанин, так он моему другу взял и купил коляску. Теперь тот ездит и горя не знает...

Я даю Раджу очередные тридцать рупий и иду к океану — в последний раз посмотреть на мертвых черепах и бросить монетку в воду. Назавтра Раджу должен приехать к двенадцати, чтобы отвезти меня на вокзал.

III.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Я думал о Радже и его коляске. Ну, что такое десять тысяч рупий, в конце концов! Я вспомнил Нори — японку, которую встретил когда-то в Мексике. Она еще студенткой нашла бедную семью на Борнео и уже пять лет прилетает к детям: привозит им учебники и книги, платит за учебу в хорошей школе. Или Юрис — журналист из Латвии, я

познакомился с ним здесь, в Пури. Он купил лодку рыбакам в Тайланде, и они благодарны ему по гроб жизни. А я? Что я сделал? Неужели я не могу подарить счастье хотя бы одному человеку на земле — и всего за двести долларов!

Я едва дождался утра и помчался в магазин, торговавший велосипедами. Мне хотелось сделать Раджу сюрприз.

— У вас можно купить велосипед с коляской?

— С какой коляской?

— Как у рикши. Только мне подержанную.

— Можно и подержанную, но они под заказ. Платите аванс, за неделю подберем, — продавец достал бланк и приготовился выписывать счет. Я подумал, что у него такая же светлая улыбка, как у рикши Раджу.

Мне было жаль своего плана: я хотел приехать к двенадцати часам к гостинице и посмотреть на то, как будет радоваться Раджу. Я заранее смеялся, представляя его изумление. Но делать было нечего — аванс, так аванс.

— Сколько платить? — спросил я и достал кошелек.

— Тысячу рупий — примерно тридцать процентов от стоимости.

С математикой у меня в школе тоже было все в порядке. Я быстро прикинул полную стоимость подарка и помрачнел.

— А если новую? — я решил на всякий случай проверить свое подозрение.

— Новая стоит семь тысяч. Вместе с велосипедом, сэр! — почти прокричал продавец, видя, что покупатель собирается уходить.

В двенадцать часов Раджу ждал меня у гостиницы. Я подошел к коляске, снял рюкзак и равнодушно спросил:

— Сколько до вокзала?

9. Глава семнадцатая. Сант Шри Дургачарья и ящерица Джим

До джайнистского ашрама в южной части Дели я добрался в темноте, расплатился с рикшей, после того как тот помог мне занести вещи в комнату, и моментально уснул. А утром, когда проснулся и вышел из одноэтажного жилого корпуса, долго тер глаза, не веря открывшейся картине: сразу за стенами ашрама стояли десятки огромных храмовых строений, сложенных из золотистого песчаника. Напротив, через дорогу, возвышалась десятиметровая статуя Ханумана, отсутствием деталей напоминавшая эрегированный член, уставившийся в низкое, все еще набухшее ночью темно-синее небо. Я пошел вдоль забора к видневшемуся вдалеке входу в храмовый комплекс.

— Сэр, сэр! — кто-то окликнул меня, и одновременно за спиной возникли частые шаги. Я сделал вид, что не слышу. Всякий раз, когда меня называют сэром, я чувствую угрозу своим деньгам.

— Сорри, сэр! — чуть запыхавшись, проговорил невысокий индиец в блестящих свеженачищенных туфлях. — Вы в храм на пуджу?

Все в нем было нехорошо: и "сэр", и "сорри", и туфли. Поэтому юношу я решил немедленно шугануть.

— Я христианин, — злобно сказал я. — У нас своя пуджа!

— Люблю Христа, — как-то не в тон, мечтательно, отозвался молодой человек. И, не дождавшись моей реакции, добавил:

— Меня зовут Виджей, а вас как?

От такого нахальства я настолько оторопел, что неожиданно назвал свое имя.

— Будем знакомы, — сказал Виджей. — Вы не против, если я покажу вам храм?

Я был безусловно против, но мой спутник так доверчиво смотрел мне в глаза, что я молча кивнул.

— А с чего это ты вдруг любишь Христа? Ты же индус? — спросил я, стараясь скрыть раздражение.

— Я и Магомета люблю. Я всех люблю — так учитель учил.

— Учитель? Как зовут твоего учителя?

— Шри Дургачарья. А храм называется Шакти Пет.

Индиец рассказывает мне о том, что Шри Дургачарья много лет жил в пещере в Гималаях, и имя свое получил от своей божественной покровительницы. Однажды ему приснилось, что он должен спуститься с гор, прийти в Дели и построить храм

Дурги. Дурга — она и есть Шакти. Понятно?

Я решил не задавать вопросов и неопределенно мотнул головой. Мы сняли обувь, прошли через металлоискатель и очутились на небольшой площади. Несмотря на ранний час, здесь было много людей. Мой провожатый уверенно повел меня сквозь толпу ко входу в одно из строений. В центре зала стоял алтарь, а вдоль стен были расставлены металлические статуи многорукого божества, надо полагать этой самой Дурги. Но рассмотреть их мне не удалось, индиец взял меня за руку и подвел к жрецу, колдовавшему над алтарным огнем. Тот что-то пошептал, мазнул Виджею серой краской по лбу и плотоядно взглянул на меня. Я отрицательно замотал головой. Виджей был явно расстроен и просительно смотрел мне в глаза. Пока я раздумывал, жрец умудрился неуловимым жестом поставить серое пятно и мне. Молодой человек дал ему немного денег, и мы отправились к выходу. Я посчитал экскурсию завершенной, но ошибся: Виджей повел меня в соседний храм Кришны. В результате поверх первого серого появилось второе — розоватое — пятно. Дальше мы почтили вниманием Шиву, Кали и Ханумана. Я чувствовал усталость, на лбу у меня красовалась грязноцветная радуга, а в глазах рябило от чудищ с окровавленными ножами и отрезанными головами в руках. Мне хотелось на воздух, но Виджей, похоже, намеревался продемонстрировать мне весь индуистский пантеон. Иногда мне казалось, что ему было важнее показать своим богам меня, чужеземца, за каким-то бесом приехавшего в Индию. Чтобы прервать бесконечную экскурсию, я задал вопрос, уже давно вертевшийся у меня на языке.

— Это ведь сколько денег нужно было, чтобы все это построить! Откуда твой отшельник их взял?

Виджей снисходительно посмотрел на меня и показал на очередное храмовое строение.

— Это — музей учителя. Пошли!

У входа на каменных досках были выбиты имена жертвователей. На первый взгляд, здесь были сотни имен, а может быть и тысячи.

— В Индии, если ты говоришь с людьми, тебе дают деньги, — нравоучительно сказал мой экскурсовод. — И чем больше людей тебя слушает, тем больше денег ты можешь собрать.

Я не удержался и записал эту фразу в блокнот.

Мы быстро миновали комнаты с личными вещами учителя и подарками от разных знаменитостей и вышли в зал, на стене которого была укреплена доска с биографией Сант Шри Дургачарья. Над доской висел его портрет. Я поднял глаза и застыл в недоумении. С портрета на меня смотрел Джим

Моррисон — молодой, улыбающийся и невероятно обаятельный — такой, каким он был до того, как начал пить всерьез.

— Кто это? — только и спросил я.

— Я же вам все время рассказываю о нем, — удивился Виджей. — Учитель. Шри Дургачарья.

— Он умер молодым?

— Не старым. На этой фотографии ему 75, это за год до смерти.

Я еще раз взглянул на портрет и быстро отвел глаза. Джим улыбался так, словно предлагал мне разгадать его тайну.

На выходе мы задержались у киоска с буклетами и книгами. Мое внимание привлекли несколько музыкальных дисков с надписями на хинди.

— Что это за музыка? — я спросил Виджея.

— Учитель писал песни. Так получалось доходчивее. Вот этот диск называется «Зажги свой огонь». Он считал, что все великие учителя — и Будда, и Христос, и Магомет — раздували пламя внутри себя. И в каждом человеке есть искра, которую…

Я не слушал. Я бежал через площадь, через рамку металлоискателя, на волю, и на ходу до боли тер лоб, пытаясь стереть разноцветные поцелуи чужих богов.

10. Глава одиннадцатая. Моя ненаглядная Шанти

I.

Любовь моя! Моя девочка, моя Шанти… Я не верю, что это еще раз случилось со мной. За месяцы, проведенные в Индии, я привык смотреть на все отстраненно: на природу, на города, даже на женщин. Я знал, что все это — не мое. Знал, что закончится путешествие и вместе с ним все исчезнет. Но вот, встретил тебя, и мир перевернулся. Какая уж тут отстраненность! Ты не даешь мне жить, заставляешь метаться в поисках выхода. Уже которую ночь я хожу по комнате и чувствую тебя через стену: ты тоже не спишь, тоже не дышишь, тоже не живешь. Насколько было бы проще, если бы все это случилось в Бостоне!

II.

Похоже, я сошел с ума. Я, как подросток, целыми днями брожу с девочкой-индианкой по тропинке среди манговых деревьев. За неделю я ни разу не поцеловал ее, ни разу не взял за руку, даже просто не коснулся! И при этом мы все время говорим о любви.

Манго еще совсем незрелые. Они висят на ветвях — маленькие тугие плоды, и почему-то — почему, черт подери?! — напоминают мне девичью грудь. А на краю сада растут сливы. Я машинально срываю бордовую ягоду, но вместо того, чтобы съесть, разглядываю нежный, едва заметный желобок. Я хочу эту девушку! Хочу носить ее на руках, танцевать, дуть ей в лицо, чтобы от моего дыхания разлетались ее кудри. Хочу, чтобы она хохотала и зарывалась мне подмышку. А потом хочу, наклонившись, бережно уложить ее в постель и лечь рядом. Меня тошнит от платонической любви! Я размахиваюсь и, что есть силы, бросаю сливой в пролетающую над нами белую птицу.

— Птица-то в чем виновата? — спрашивает Шанти.

— Тем, что свободна! — отвечаю я, глядя прямо перед собой. И мы продолжаем идти по краям тропинки, в метре друг от друга

III.

Среди трехсот жителей ашрама я был единственным иностранцем. Чтобы не выделяться, я научился сидеть на полу и есть руками, и одевался, как все, в пенджаби — просторные полотняные штаны и длинную, до колен, рубаху. Я даже приучил себя обходиться без туалетной бумаги! Но что делать с цветом кожи?! Я был единственным белым в толпе смуглолицых. И самая смуглая из всех, почти черная — Шанти! Она выглядела негритянкой с лицом античной статуи, с копной лежащих на плечах волос и серыми, почти неподвижными глазами. Я увидел ее на третий день за обедом — она дежурила в «студенческом» зале, и не сразу понял, что эта красавица живет в соседнем номере, через стенку от меня. В ашраме белокожесть дала мне лишь одно преимущество — Шанти тоже меня заметила. Она смотрела на меня так, словно впервые видела белого человека. И чем чаще наши взгляды пересекались, тем глубже в мою душу проникали радость и страх. Как же давно со мной не случалось такого!

Теперь все, что делал, я делал для нее. Я задерживал дыхание на пранайяме, и когда кончался воздух, когда тело, казалось, вот-вот разорвется, когда все, кто был рядом, давно уже не выдерживали, я представлял Шанти и терпел еще несколько секунд. И когда на йоге надо было свернуться, как удав, а суставы выли от напряжения, я видел ее лицо и становился удавом. А еще я торопил время — мне не терпелось похвастаться своими успехами.

В полдень, после занятий, Шанти ждала меня у дверей медитационного зала. Я встречал ее спокойный и ждущий взгляд, и мои глаза начинали лучиться, и губы растягивались в улыбке. Тело само клонилось вперед, чтобы броситься, сжать в объятиях, но тотчас же я вспоминал, что мы — в Индии, и обмякал, и направлялся к девушке так, будто у нас назначена деловая встреча. Это было невыносимо! Однажды я не выдержал и спросил:

— А что будет, если я тебя обниму?

— Ничего страшного. Просто меня выгонят из ашрама, — спокойно ответила Шанти.

IV.

С каждым днем манго становятся тяжелее, их бока желтеют и растягиваются под натиском растущей, прущей на волю плоти. И однажды я не удерживаюсь и срываю плод. Рот наполняется кислой вяжущей мякотью. «Нельзя!» — кричу я сам себе. И

просыпаюсь в страхе от того, что наделал. Я таращусь в темноту, словно хочу пробить стену взглядом. А с портрета на меня равнодушно смотрит свами Вивекананда. Легко ему было, монаху! В три ночи я вздрагиваю от жужжания мобильника. «Я хочу к тебе» — светится на экране. А я хочу разбить мобильник! Проклятая страна! Здесь на стенах храмов изображают трахающиеся пары, здесь о любви можно прочесть в священных манускриптах, здесь женщину воспевают, как нигде в мире, но, пусть попробует эта женщина полюбить чужака! Братья-индийцы отметят ее так, что она не отмоется до конца своих дней.

Назавтра, выйдя из зала медитации, я не увидел знакомой фигурки. Шанти не было. У меня перехватило дыхание. Тоска была такой острой, что я побрел в манговые заросли и не сразу заметил, как она пристроилась рядом. А когда заметил, грусть не отпустила.

— Сегодня ночью я приду к тебе, — голос Шанти звучал глухо, и я лишь через мгновенье понял, о чем это она.

— Ты же знаешь, что будет дальше, — сказал я после паузы.

— Для меня нет никаких «дальше», кроме тебя, — Шанти остановилась так резко, словно поставила точку в длинном, долго не дававшемся предложении. — Я не смогу полюбить кого-то из своих. Здесь все мужчины — трусы! Они не сами женятся, их женят родители.

— Не надо так. Я что-нибудь придумаю, — я сказал это просто, чтобы что-то сказать, но девушка посмотрела на меня с благодарностью.

В следующие несколько дней Шанти была задумчивой, словно что-то для себя решала. Наконец, решение было принято, и она перешла из столовой для сотрудников в зал для студентов: теперь во время еды Шанти садилась на женской половине прямо напротив меня, а когда обед заканчивался, она, как настоящая восточная жена, забирала мою грязную тарелку и, не обращая внимания на изумленные взгляды соплеменников, мыла вместе со своей. В один из тех дней я вспомнил ее рассказ о матери, принявшей проклятие своего отца-брамина и вышедшая замуж за кшатрия.

— И все равно я буду с тобой, — тихо говорит мне Шанти и протягивает руку. Но я отрицательно мотаю головой: мне за нее страшно.

V.

Моя дорогая, моя ненаглядная… Как мало ты знаешь обо мне!

Ты считаешь, что я способен что-то решить, на что-то решиться. А я только и могу, что смотреть на тебя влюбленными глазами.

Знала бы ты, как мне страшно, моя радость! Я старше тебя на десять тысяч лет, и мой дом — за десять тысяч километров. Уже и этих двух причин было бы достаточно, чтобы забыть, отказаться от тебя. Но есть и кое-что еще. Любовь, как планка при прыжках в высоту: однажды не взяв ее, начинаешь бояться. С каждым днем страх растет в тебе, как раковая опухоль, и, в конце концов, понимаешь, что ты мертв, и любовь мертва.

Когда-то я любил женщину через океан. И не смог переступить через разделявшее нас пространство. Потом пришла другая. Она жила рядом, но ей, так же, как и тебе, было двадцать три года. И я не смог забыть о разнице в возрасте. Сейчас надо, чтобы я взял обе эти высоты за раз! Я не хочу повторений. Мне кажется, лучше будет, если я уеду.

VI.

Мы сидим на скамейке под скульптурной группой, изображающей мчащихся на колеснице Кришну и Арджуну. Здесь две недели назад мы впервые оказались вдвоем. Тогда я рассказывал Шанти о том, как жил в Бостоне, как сбежал оттуда в Москву. А потом попросил ее почитать что-нибудь из Махабхараты. Случайно или нет, она вспомнила то место, где красавица Драупади выбирает Арджуну себе в мужья. Сейчас мы молчим. Шанти проводит рукой по низкорослым кустам (так женщины гладят мужчин по затылку), и соцветия, как звериные пасти, захлопываются, пытаясь поймать ее тонкие темные пальцы.

— Это мимоза, — девушка словно отвечает на мой немой вопрос и умолкает. Я тоже трогаю кустарник и говорю:

— А у нас она желтая. Ее покупают в марте, перед Женским днем, и дарят девушкам. Еще холодно, снег, и эти желтые шарики, как объяснение в любви.

Мы стараемся не смотреть друг на друга. Кажется, весь ашрам наблюдает за нами. Две недели наша история развивалась на глазах у трехсот индийцев, и они, должно быть, чувствуют, что сейчас между нами происходит что-то важное.

— Ты не бойся, я не замерзну, — Шанти словно не слышит меня и говорит о своем. — Я уже видела снег в горах. Даже трогала!

— Я не могу взять тебя с собой в Москву. Не могу, понимаешь? — мой голос кажется чужим, словно это и не я сказал.

— Warum? — как обычно, когда волнуется, Шанти переходит на немецкий.

— Потому что ты — черная. А в Москве полно своей сволочи, которая может тебя обидеть. Я буду сходить с ума всякий раз, когда ты пойдешь в магазин, — говорю я, и знаю, что лгу.

— Warum?

— Darum. Das ist Moskau.

VII.

Ночью, за три дня до отъезда, вновь зажужжал мобильник. Я читал записку, и чувствовал одновременно тоску и облегчение.

«Прости меня. Я все взвесила. Нам нельзя быть вместе, я не смогу видеть, как тебе больно. Мне слишком тяжело с тобой встречаться сейчас. Если можешь, не думай плохо обо мне и не ищи меня — меня здесь нет. Прощай, мой любимый. Твоя Шанти»

Она не смогла уехать ни в тот, ни на следующий день — не отпустили с работы. Несколько раз я видел ее издалека, но не посмел подойти. Шанти сама догнала меня, когда я уже выходил с рюкзаком за ворота ашрама. Лицо ее было бледным. Она была почти такой же белой, как я сам. В ее раскрытой ладони лежал бумажный пакетик. Я развернул его и увидел крошечные золотые сережки, которые так ей шли. На бумажке было написано: «Отдай их той, которую полюбишь после меня». Когда я поднял глаза от бумаги, она уже была далеко.

Я и сейчас уверен, что есть только один человек, который мог заставить Шанти сделать по-своему — ее мать. Шанти слишком любила и верила ей, чтобы пойти против ее воли.

VIII.

Шанти, милая… Я вернулся в Москву, и Индия понемногу отступает. Вместе с ней отступаешь и ты. Первое время я очень тосковал без тебя, а потом путешествие заглушило воспоминания. Я все еще легко представляю твое лицо и могу вызвать из памяти голос, но ты давно перестала мне сниться. Постепенно я возвращаюсь в обычное состояние — уже способен наблюдать себя со стороны и иронически оценивать свои поступки. Мне кажется, все случилось так, как должно было случиться. Когда-нибудь, я уверен, мы встретимся и посмеемся над тем, как бродили по манговому саду, боясь дотронуться друг до друга. Но знай, — и это серьезно! — я всегда буду гордиться тем, что

однажды меня любила невероятно красивая и отважная индианка!

XI.

От Шанти не было никаких известий четыре месяца, и я привык считать, что наш недолгий роман бесследно канул в Лету, как случается с большинством подобных историй: с годами понимаешь, что отличить любовь от влюбленности можно только тогда, когда все проходит. Но вот, на днях среди «спама» я нашел письмо с ее адресом и долго не решался открыть. Вот что она писала.

«Мой дорогой! Поздравь меня, я поступила в аспирантуру в Бостон. Уезжаю на учебу в марте следующего года. Это была единственная возможность оказаться, если не рядом с тобой, то хотя бы в твоем городе. Я совсем ничего о тебе не знаю. Как ты провел эти месяцы? Вернулся ли из Индии, или все еще здесь? Теперь я имею право задавать вопросы! Твоя Шанти».

И следом стояла улыбающаяся «рожа» — такая, какие ставят в электронных письмах.

11. Глава двенадцатая. Посланец аватара

1. Блондинка с немецким

Я судорожно рылся в сумке, пытаясь отыскать мобильник, который надрывно звонил, закопанный среди всякого хлама. Несмотря на вечерний час, за два дня до Рождества «Детский мир» был полон покупателей: несколько раз меня толкнули, я выругался, и, наконец, проклятый телефон нашелся. Трубка заговорила женским голосом.

— Здрасте, это — Люда. Мне сказали, что вы летите в Индию.

— Лечу... черт побери! — злобно ответил я. Впрочем тут же добавил: — Это не вам, меня здесь совсем затолкали.

— Вы где? Можно я к вам сейчас приеду?

— В «Детском мире». А зачем?

— Я хочу лететь вместе с вами. У меня отличный немецкий!

— Приезжайте, — согласился я. В последнее время городские сумасшедшие стали привычным дополнением моей московской жизни.

Через полчаса мы встретились в кафе «Джаганат», что на Кузнецком мосту. Люда оказалась типичной блондинкой и выглядела вполне себе ничего. Но было в ней что-то, что с первых минут меня беспокоило. Сама она приехала в Москву из Бишкека, училась в театральном, но бросила, перебралась в столицу и уже пять лет возила туристические группы — Турция, Кипр, Египет...

— Надоели эти турки! Хочется чего-нибудь другого, а английский на нуле. Вот и ищу, с кем полететь, — моя новая знакомая просительно смотрела на меня.

— А на немецком, надо полагать, в Турции говорит каждый второй, — съязвил я, но Люда не поняла иронии.

— Ой, там полно немцев! А местные давно научились по-русски, — сказала она с воодушевлением. Из нее вполне могла бы получиться актриса, если бы не неподвижное лицо. Оно-то меня и смущало. Скорее всего, из-за этой ее куцей мимики, да еще прямой, словно вытесанной из камня спины я и задал дурацкий вопрос, которого сам же немедленно и испугался.

— Вы, случайно, не служили? — спросил я.

Люда вздрогнула, словно я увидел что-то, чего видеть был не должен.

— Ага, во внутренних войсках. А как вы догадались?

Оказалось, что между Бишкеком и Москвой был еще и Саратов. Уйдя из театрального, она нанялась на зону — ту самую, где за десять лет до этого сидели последние советские политические. Диссидентов она, естественно, не застала, но сам факт, что я чаевничаю с бывшей надсмотрщицей, был мне неприятен.

Через неделю Люда позвонила еще раз и сказала, что билетов на мой рейс уже нет, и что летит она на три дня раньше.

— Я вас встречу в Дели, в аэропорту, — сообщила она. На том и попрощались. Я почувствовал облегчение и странную уверенность, что в Дели никто меня встречать не будет — так оно и вышло. Она со своим отличным немецким потерялась на просторах Индии, и я считал, что навсегда. Но вышло иначе.

2. Преданные

После трех месяцев блужданий по Индостану я оказался в Путапатти — маленьком городке, в трех часах езды от Бангалора. Обойдя вокруг мандира самого известного из индийских гуру, Саи Бабы, и не найдя ничего для себя интересного, я отправился потолкаться в вечерней толпе. По улицам в белоснежных пенджаби гуляли «преданные» великого учителя. Они съехались в Путапатти со всех концов земли, но казались похожими друг на друга, как дети одних родителей. Их лица несли на себе отпечаток восторженности и простоты. На ходу они шептали мантры и перебирали четки. На стенах домов и в витринах висели портреты Саи Бабы, в лавках продавались сувениры с его изображением и кассеты с записью его песнопений, а внутри ашрама я набрел на библиотеку, где были собраны труды воплощенного бога, или аватара, как говорят индийцы. И не было там других книг! От всего этого веяло непроходимой тупостью и скукой.

Я сомнамбулой слонялся среди «преданных» и чувствовал себя мало того, что чужаком, но еще и идиотом. «За каким чертом ты сюда поперся?» — спрашивал я сам себя и не находил ответа. Посмотреть на Саи Бабу было любопытно, но не более того. Из трех встреченных до сих пор посланцев божьих двое были мошенниками, а третий сумасшедшим. Увиденный сразу по прилете в Дели портрет аватара, рекламировавшего бензин местной нефтяной компании, оптимизма не прибавил. От крамольных мыслей отвлек ухвативший меня за руку незнакомец.

— Не по-о-онял, — как мне показалось, с угрозой сказал мужчина. — Вы тут зачем?

Я узнал Василия по трем висевшим на шее, один ниже другого, крестам. Самый большой, поповский, уютно гнездился на выдающемся животе моего собеседника. За месяц до нынешней встречи Василий согласился побыть моделью — я осваивал аюрведический массаж на юге Индии, в Варкале, и для практики в дополнение к стайке девушек мне нужен был хотя бы один мужчина. Позвоночник у Василия тоже был выдающимся — полдюжины центральных позвонков упрямо торчали из спины, образуя заметный горб. Во время процедуры наш разговор неизменно возвращался к Саи Бабе, в могущество которого мой пациент верил, может, даже больше, чем в Иисуса Христа. Василий был типичным «преданным».

— Чего ж вам Саи Баба позвонки не вправит? — нарывался я на скандал.

— Это докторова работа, я ему за это денег плачу. А аватар мозги вправляет, кому надо, и душу утишает. Вам бы, вот, не помешало, по-моему, — парировал пациент, кряхтя под моим напором.

Сейчас он стоял передо мной, выставив живот, как орудие нападения. Я был на его территории, и он считал себя вправе задавать вопросы.

— Был на даршане? — деловито спросил он, отчего-то перейдя на «ты».

— Нет еще, я только приехал, — как можно смиреннее ответил я.

— Ну сходи, сходи. Может польза будет, хотя вряд ли, — он развернулся и, не прощаясь, слился с толпой. Эта встреча вывела меня из сомнамбулического состояния и слегка развеселила.

Прошатавшись до темноты и устав от одинаковости прохожих, я решил лечь спать пораньше: как-никак, на даршан — совместную молитву — надо было прийти в четыре утра. Я уже подходил к гостинице, когда увидел девушку — русые волосы до плеч, голубые широко раскрытые глаза, тяжелые бедра и узкая талия... У нее было такое выражение лица, какое только и встречается у наших девушек. Она несла сквозь толпу огромный арбуз и была похожа на мадонну с младенцем. Когда нас разделяло несколько метров, я принял мечтательный вид и бросил в пространство по-русски: «Знал бы кто-нибудь, как мне хочется арбуза!» Девушка улыбнулась и спокойно ответила: «Арбуз для мамы. А захотите чего-нибудь другого!» Еще мне в тот вечер хотелось мороженого. Я помог донести арбуз до дома, и мы направились в кафе. Путапатти уже не казался мне настолько скучным.

3. Юля

Нет ничего прекрасней в путешествии, чем случайные встречи! Когда надоедают храмы и замыливается глаз от несчетных красот природы, когда устаешь от чужеземной экзотики и начинает хотеться домой, вдруг возникают те, с кем можно провести вечер-другой, чтобы затем двинуться дальше, уже не чувствуя себя таким одиноким.

Юля встретилась мне в нужный момент, и я ей, похоже, тоже. В отличие от меня, она устала не от переездов, а от сидения в Путапатти. За пять месяцев, проведенных здесь с больной мамой, девушка успела по-настоящему заскучать. Мы устроились на крыше дома в открытом кафе и ели по третьей порции мороженого. Моя собеседница никуда не торопилась. Она машинально рисовала ложечкой на чуть подтаявшей поверхности белого брикета и время от времени бросала в мою сторону долгие, волновавшие меня взгляды.

— Ну да, скучаю немного, — ответила Юля на вопрос о жизни в Путапатти. — Зато читаю или выезжаю куда-нибудь поблизости. Маме лучше, когда я рядом с ней. А еще у меня есть подруга, как и ты, из Москвы. Жаль, что мне сейчас массаж нельзя, может ей сделаешь?

В пути, чтобы окончательно не забыть выученные в Варкале несколько десятков движений, я нет-нет да и находил кого-нибудь, кому хотелось испытать новые ощущения. Как правило, это оказывались совсем еще юные создания, мало что знающие как об аюрведическом массаже, так и о жизни вообще.

— А какая она, твоя подруга? — спросил я не без интереса.

— Тебе понравится, — улыбнулась моя новая знакомая. — Она в театральном училась. А потом группы в Турцию возила. Надоело, вот и приехала сюда. Представляешь, вообще без английского!

Подозрение о том, что с Юлиной подругой я знаком, у меня закралось сразу, но виду я не подал — мало ли по Индии шляется красивых девушек, хотевших стать актрисами и не выучивших английский язык! Чтобы убедиться в том, что моя догадка верна, я спросил:

— Как ее зовут?

— Люда. Но ты с ней вряд ли знаком, она в Москве недавно. А вообще-то откуда-то из Средней Азии.

С Людой было все ясно, но я решил довести дознание до конца.

— А на зоне твоя подруга не работала? — задал я прямой вопрос.

Держи Юля в этот момент арбуз, быть бы ему на земле. Я даже пожалел о том, что так напугал милую собеседницу. Впрочем, выслушав историю нашего знакомства, она немедленно придумала план, как разыграть подругу. На следующий день к десяти утра я должен был явиться в кафе.

— Жаль, что ты не умеешь летать, — вздохнула Юля, и мы, держась за руки, спустились с крыши на землю.

4. Даршан

В четыре утра, задолго до рассвета, я сидел на каменном полу, подложив под себя крошечную подушку и безуспешно пытаясь скрестить ноги по-турецки. Кроме меня, под позолоченной крышей мандира расположились еще несколько тысяч человек: мужчины на своей половине, женщины — на своей. Лица у всех были напряжены ожиданием учителя, а тот все не появлялся. Часам к шести, когда я устал рассматривать публику и решил, что с меня хватит, по рядам «преданных» пробежала дрожь и тысячи голосов подхватили протяжное «о-о-о!» Из дальнего угла выехал огромный белый «джип» и очень медленно — так медленно, словно его несли на руках — покатил вдоль рядов к центру мандира. В окно «джипа» задумчиво смотрел аватар. Голову его венчал огромный шар темных курчавых волос. Аватар был похож на постаревшего Джимми Хендрикса. Его лицо прорезали глубокие морщины, и голова качалась в такт движению. Я испытал острую жалость к старику, которому два раза в день — каждую неделю, месяц, год — без отпусков и больничных приходится отрабатывать свою избранность, являться на даршаны и благословлять «преданных». И в этот момент в груди что-то екнуло: уже проехавший мимо Саи Баба обернулся и смотрел прямо на меня. Какие там морщины, какой тройной подбородок! Я видел только сияющие, вбирающие в себя целиком глаза. Взгляд словно куда-то звал, и, повинуясь ему, я пошел в темноту. Последнее, что запомнилось, были повернутые в мою сторону головы «преданных»: на меня смотрел весь мандир.

После даршана ко мне подошел Василий. Выглядел он торжественным и испуганным одновременно.

— Поздравляю, — сказал он, робко заглядывая мне в лицо, словно хотел проверить, не владею ли я секретом вечной молодости или чем-то еще вроде того.

— С чем? — вяло спросил я, до конца не успев прийти в себя.

— Аватар очистил вашу карму. Вы теперь — святой! —

казалось, Василий и сам испугался того, что сказал.

— Ты это доподлинно знаешь? — я попытался пошутить, при этом как-то само собой вырвалось это «ты».

— Не я один, все видели! Аватар послал вам молнию... — и Василий показал на мои обгоревшие ресницы. Я-то знал, что ресницы обгорели за несколько дней до моего приезда в Путапатти, когда неудачно прикуривал от газовой плиты, но не стал его разубеждать.

5. Замуж за ангела

В кафе я пришел в правильном настроении: был в меру задумчив и в меру озадачен. Девушки уже сидели за столиком под балдахином. Я поздоровался с Юлей и в ожидании уставился на расположившуюся боком ко мне Люду. Люда выглядела типичным адептом Саи Бабы: на пальце — кольцо от аватара, на столе — его книжка, на голове — платок. Неподвижная маска на ее лице сейчас казалась уместной: она выражала ту же восторженность и простоту, что и у остальных «преданных». Наконец, моя несостоявшаяся спутница повернулась и замерла.

За месяцы, прошедшие с нашей короткой встречи в Москве, я успел похудеть килограммов на семь и сбрил бороду. Меня не узнавали даже те, с кем я был знаком по нескольку лет, — чего было ожидать от мельком виденной девушки! Люда и не узнала, но что-то явно тревожило ее. Не сводя с меня взгляда, она толкнула Юлю и спросила:

— Это кто?

— Твой ангел, — невозмутимо ответила та, словно ждала вопроса.

— Да ну тебя! Правда, кто?

— Ангел, ангел. Просила мужа у Саи Бабы, он тебе его и послал!

Блондинка с мольбой посмотрела на меня, но я, упредив ее вопрос, важно кивнул и уселся на свободный стул.

— Послушай, я его знаю! — продолжала Люда пытать подругу, но та держалась молодцом.

— Конечно, знаешь, — ответила Юля. — Помнишь, ты рассказывала, что видела во сне мужа?

— Нет, тот блондин был, — задумалась Люда. И вдруг разом зашлась румянцем: — А ведь и вправду снился! Но раньше, на двадцатипятилетие.

— Ну, вот видишь, — поддержала подругу Юля. — Все побоку, готовим свадьбу! Напьемся и пригласим аватара!

Подруги переглянулись, но перед этим Юля успела мне подмигнуть.

— Ладно, пошли делать массаж, — в голосе Юли зазвучали решительные нотки.

Люда бросила на меня оценивающий взгляд и, глуповато хихикнула:

— А вы-то... согласны?

— Мне это для практики нужно, — невозмутимо ответил я, имея в виду аюрведический массаж. Но Люда, похоже, поняла мой ответ по-своему.

Мы расплатились и отправились в гостиницу. Девушки шли чуть впереди и о чем-то щебетали. Слов было не разобрать, но, судя по смеху и жестикуляции, разговор у них был радостным и необычным. И я подумал, что странная все-таки штука — женская дружба. Не приведи господи, какая странная!

6. Аюрведический массаж

В аюрведическом массаже есть одна тонкость: пациент должен быть голым, или, уж если очень стеснительный, в специальной повязке-кокане, состоящей из тонкой веревки, опоясывающей бедра, и небольшого куска материи, прикрывающего святую святых. Иначе в масле окажется не только тело но и одежда, да и руки массажиста будут «спотыкаться» на ненужных трусах.

Когда пришли в номер, Люда была явно возбуждена и, с интересом поглядывая на меня, ждала указаний. Я постарался, как можно деликатнее, объяснить задачу.

— Только надо раздеться, — сказал я, смущаясь и стараясь смотреть на Юлю. — Без этого руки скользить не будут.

— Чего уж там, — изрекла Юля после паузы. — Все одно, женишься! — и, повернувшись к Люде, скомандовала: — Ну, давай же!

Через минуту на кровати лежала роскошная, невероятная блондинка. Кожа у нее была матовой, а грудь стояла, даже когда хозяйка находилась в положении «лежа на боку». «С таким телом английский и вправду не нужен. Немецкий, впрочем, тоже», — думал я, массируя назначенную мне аватаром супругу.

7. Свадебный марш

Пока Люда принимала душ, Юля как-то боком подошла ко

мне и зашептала:

— Ну, как она тебе?

— Что, как? Красивое тело… — я не совсем понимал, чего от меня хотят.

— И что ты собираешься с ней делать? — неуверенно спросила девушка.

— Хороший вопрос… Ты у нее, кто, менеджер по продажам? Хочет, пусть вечером приходит, — сказал я, показав на кровать. Мне этот разговор явно был не по душе. Юля вспыхнула: «С этим вы уж как-то сами решайте, а я о женитьбе! Ведь хорошая же девушка!» Я попытался обнаружить улыбку на лице собеседницы, но встретил все тот же долгий тревожащий взгляд, каким она смотрела на меня вечером предыдущего дня в кафе. Из ванной сквозь шум льющейся воды доносилась веселая немецкая песня. И до меня вдруг дошло, что если я немедленно не смоюсь из Путапатти, то завтра же пойду покупать пенджаби белого цвета.

Той ночью в поезде мне снился Саи Баба. Мы сидели на скамейке возле ашрама и разговаривали, как два приятеля, когда-то любивших рок, но со временем прикипевших к классической музыке. Аватар держал мою руку в своей и уверял, что ценит «Восьмую Неоконченную» симфонию Шуберта не меньше, чем «Свадебный марш» Мендельсона.

12. Глава пятнадцатая. Коровье ухо

Котитирта коварна и бездонна.
Многие попадали в нее,
но немногие возвращались.
Будьте осторожны,
и да не станете вы следующей жертвой!

Из надписи на берегу

I.

Видимо, я ошибся улочкой, пошел от Котитирты незнакомым путем и заплутал. Поначалу ничто не предвещало неожиданностей: дома были привычно сложены из вулканических блоков, и их ряды отстояли друг от друга чуть больше, чем на метр. Такими же блоками была вымощена дорожка, с той лишь разницей, что местами камни просели от времени, и надо было смотреть под ноги, чтобы не споткнуться.

Я часто останавливался и разглядывал чужую жизнь: сквозь настежь распахнутые двери было видно, как в просторных внутренних двориках возились женщины с детьми, на стенах были развешаны разноцветные картинки с божествами, а в углу мирно сам с собой разговаривал старенький телевизор. Такая спрятанная от глаз туристов Гокарна была мне незнакома. Погруженный в себя город, казалось, не испытывал ко мне никакого интереса. Это было тем более странно, что за месяцы блужданий по Индии я привык, к постоянному, часто назойливому вниманию.

Возле одного из домов я заметил бронзовую статую Шивы. Лицо бога-разрушителя тоже выражало безразличие. Казалось, он устал от ожидания, когда же, наконец, можно будет заняться любимым делом. Я заметил, что за мной наблюдают, и улыбнулся женщине в окне, но она отступила вглубь комнаты, не ответив на улыбку.

Небо над крышами домов все еще было светлым, но внизу по узким улочкам святого города медленно ползла темнота. Я попытался сориентироваться: океан должен быть на западе, там же и гостиница. Нырнув в узкий проход между домами, я миновал небольшой семейный храм — темный, без единого человека внутри — и пошел по улочке, больше напоминавшей коровью

тропу. Проход петлял между домами и был так узок, что дважды я больно ударялся плечом о торчавшие из стен камни.

На одном из поворотов я чуть не столкнулся с пастухом, одетым в светлую курту и лонгу до пят. Я поздоровался и хотел спросить о том, правильно ли иду, но он сделал вид, что не заметил меня. Настроение вконец испортилось.

Несмотря на закатный час, было душно. Даже легкий ветерок не проникал в пространство между домами. Наплевав на местные обычаи, я снял мокрую от пота майку. Как-то слишком быстро, прямо на глазах, гасли окна, и дневной шум уступал место настороженной ночной тишине. Последним человеком, которого я увидел на улочках Гокарны, была девочка-подросток: она вышла на порог и с размаха плеснула водой из ведра на камни. При виде меня она испугалась, быстро зашла в дом и закрыла за собой дверь. Слышно было, как лязгнул засов.

II.

Город водил меня по своим пределам и не думал отпускать. В темноте я давно потерял выбранное направление и шел наугад. Гокарна, крошечная на карте, сейчас не имела границ. Улицы разветвлялись, пересекались, сливались в более крупные, но и те, в конечном счете, всякий раз приводили в тупик. Это был гигантский лабиринт, из которого не было выхода. Иногда мне начинало казаться, что я уже не однажды проходил теми или иными местами: баньян, простерший ветви над целым кварталом, заставлял вздрагивать и таращиться в темноту, но в следующий момент я понимал, что это — другое дерево, и дома, окружавшие его, — другие; ручей, журчавший в арыке, напоминал о точно таком же ручье, вдоль которого я шел с час назад, но арык оказывался не квадратным, а круглым. Хозяйственные и продуктовые лавки, словно сговорившись, были на одно лицо. Надписи на карнаке делали их еще более похожими друг на друга.

Мной давно уже владела паника: со всех сторон слышались шорохи, шаги, голоса. Спиной я чувствовал чьи-то взгляды, но стоило обернуться, шум стихал: если кто-то и был рядом, то успевал спрятаться за угол дома, укрыться во мраке. Окончательно вымотанный я присел на ступени возле какого-то дома. На фронтоне, над дверью, нависал готовый взмыть в небо каменный Гаруда. Луна поднялась высоко, и лежавшая у моих ног тень полуптицы-получеловека казалась живой. Отчаявшись выйти из лабиринта, я решил заночевать на ступенях. Я лег, подложив

майку под голову, и услышал далекое пение. Из-за расстояния было не разобрать, кто поет — мужчина или женщина. Я поспешил на голос.

Вскоре звуки стали громче, и я оказался на улице, начинавшейся у Котititры, — той самой, начальной, что уводила в городской лабиринт. На меня смотрел бронзовый Шива, и под его взглядом, я невольно замер. Лицо божества было иным, чем днем: при свете полной луны оно выражало торжество.

Улица привела к широким ступеням, спустившись по которым, я оказался возле черного квадрата водоема. И днем-то неприветливая Котititрта, ночью выглядела еще мрачнее. Она была окружена рядами одинаковых двухэтажных домов, и напоминала пасть неведомого зверя. Чудище оскалилось и, укрывшись под воду, терпеливо ждало добычи. Видно было, как оно дышит: отражаясь на темной поверхности звезды, ритмично колебались в такт дыханию. На берегу водоема сидел старик, в руках он держал толстую книгу. Глядя в нее, он нараспев тянул одну бесконечную строку. Этот речитатив издалека и показался мне пением. Я собрался было направиться к нему, но вместо этого вдруг замер и почувствовал, как всего меня — от пяток до макушки — трясет: тело старика было неестественно отклонено назад, словно он сидел в шезлонге, но шезлонга не было — еще одной парой рук он упирался в землю позади себя.

Остаток ночи я провел на автобусной остановке: первый автобус в сторону Дели уходил в шесть утра. Я даже подумать не мог о том, чтобы дожидаться в Гокарне дневного поезда.

III.

В Дели я остановился в доме своего приятеля, мексиканского консула Альберто Глендера. Я появился у него совсем больным и уже неделю не вставал с кровати: тело постоянно немело и казалось чужим, а головная боль не давала читать подолгу. Это было тем более обидно, что Альберто собрал отменную библиотеку. Особенно он гордился изданной в Манчестере в начале 19 века «Энциклопедией индийских мифов» в семи томах. Листая ее, я наткнулся на статью о Гокарне. Вот что в ней было сказано.

«Гокарна — небольшой городок на западном побережье в 40 милях южнее португальского Гоа. Считается, что именно здесь бог Шива выбрался из тела коровы-земли через ее ухо — гигантский провал, существовавший на месте Котititрты («водоем тысячи святых источников» — санскр.). Город, который

здесь образовался, получил название Гокарна («коровье ухо» — санскр.) и считается одним из самых священных в Индии. Индусы верят, что в полнолуние Шива появляется на берегу Котитирты, чтобы прочесть мантру в честь своего освобождения. По преданию, тот, кто встретится со страшным богом, заболевает и умирает».

Альберто, когда-то получивший образование врача, был начисто лишен склонности к мистицизму. Выслушав мою историю, он пожал плечами и сказал: «Обычный гипертонический криз. В твоем возрасте я поостерегся бы месяцами таскаться по Индии. Жара-то, смотри, какая…». Снаружи, и в самом деле, было жарко и невыносимо душно, и я не торопился выздоравливать. Благо, в квартире консула круглые сутки работал кондиционер.

13. Глава десятая. Другая жизнь

Такси остановилось на стоянке, на самом краю Северного мыса. В семидесяти метрах внизу лежал бледный, едва освещенный утренним солнцем пляж. В левом его углу дюжина резвых туземцев играла в крикет, поодаль в противоположность им сонно передвигались любители ушу. Было еще несколько йогов, напоминавших о скульптуре времен социалистического реализма, да пара бледнокожих девушек, распластавшихся на песке с утра пораньше в неуемном стремлении побыстрее загореть.

Третий день дул западный ветер, и океан, и обычно-то неспокойный в Варкале, казалось, сошел с ума. С усердием землекопа он выбрасывал из глубин трехметровые валы, напоминавшие идущих в психическую атаку белогвардейцев из фильма «Чапаев». Их ряды бесстрашно приближались к берегу и, рушась на сырую гальку, отстреливались тысячами брызг. На соседнем утесе стояли и всматривались в море индийцы: за полосой прибоя, мелькали в волнах легкие лодки. Стоило кружившимся над водой чайкам, сбиться в кучу, как тотчас же к ним устремлялось несколько суденышек.

— Вряд ли найдут, — проследив мой взгляд, сказал таксист. — Уже сутки как должен был вернуться. — И он рассказал мне о Кутаппане, тридцать лет ходившем рыбачить в одиночку. В общем, история была не заслуживающей внимания. Однако сейчас, когда рыбак пропал, все, связанное с ним, приобретало особое значение. «Надо же, совпало, — подумал я. — Тридцать лет возвращался, а стоило мне появиться — и, вот, нет его». Почему-то показалось, что сразу уйти будет некрасиво, и для приличия я недолго помолчал, глядя на волны, а потом расплатился и отправился искать гостиницу.

Варкала нависала над океаном и обрывистым берегом напоминала виденные в детстве картинки с острова Капри, где Максим Горький принимал Ленина.

Мыс был опоясан асфальтовой дорожкой, проезжей для рикш, но слишком узкой для автомобилей. Вдоль нее, плечом к плечу, стояли сувенирные лавки — гостиницы прятались за их спинами. В небе, над самыми верхушками пальм, кружил дельтаплан. Юноша с вытянутыми, плотно прижатыми друг к другу ногами, в огромных круглых очках напоминал сказочную рыбу, плывущую под пестрым зонтиком по небесам. А сам летательный аппарат, как клеймо мастера на китайской гравюре, привносил в пейзаж праздничность и завершенность.

Я бросил рюкзак в домике, снятом за четыре доллара в сутки, и отправился бродить по берегу. Мартовское солнце жгло нещадно, и крыши продуваемых всеми ветрами прибрежных кафе призывно хлопали парусиной. Я сел за столик в случайном месте с названием «Утапам», заказал ласси с папайей и раскрыл местную газету: в Кашмире гремели взрывы, в Боливуде набирал обороты финансовый скандал; еще шли какие-то предвыборные баталии, в которых я понимал не больше, чем в местных видах спорта. Единственной живой страницей была история о бизнесмене, выбросившем секретаршу из окна, но газетчики мусолили ее уже три номера подряд. В общем, читать в газете было нечего. Я допил ласси и отправился к маячившей неподалеку рыбацкой деревне. Метров через сто дорога начала спускаться, потом поскакала по широким каменным ступеням и уже совсем внизу превратилась из асфальтированной в песчаную.

На берегу в беспорядке лежали длинные лодки — такие охотно рисуют в исторических и приключенческих романах. Вокруг них суетились рыбаки: собирали сохнущие на песке сети, складывали кольцами якорные канаты, ремонтировали потрескавшиеся борта. Это последнее было самым интересным: двое индийцев — один внутри лодки, другой снаружи — пропускали сквозь ряд отверстий от носа до кормы скрученный шпагат. Получалось что-то вроде шва на ткани. Потом шаг за шагом натягивали его и вбивали в отверстия клинья. Доски, между которыми еще недавно зияли щели, стягивались так плотно, что, казалось, стыков вообще нет.

Говорят, что есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно — на огонь, на волны и на то, как работают другие люди. Наверное, я наблюдал за рыбаками слишком долго, и вид у меня был излишне праздный — один из них сердито взглянул в мою сторону и что-то сказал товарищу, после чего тот рассмеялся. Я почувствовал неловкость и уже собрался было уходить, когда второй рыбак окликнул меня.

— Сэр, не хотите поработать? Вон, вы какой большой!

Замечание застало меня врасплох: в сравнении с невысокими индийцами, я и в самом деле казался огромным. От этого мне вдруг стало как-то особенно неловко, словно будь я пониже ростом, и мое безделье не выглядело бы столь вызывающим.

Я направился к рыбакам и пристроился последним, шестым, в цепочку — бригада укладывала сеть. Это напоминало конвейер — каждый складывал свой кусок и передавал соседу. Сети были длинными, и операцию приходилось повторять помногу раз. Ближе к лодке тюк становился неподъемным, приходилось тащить его вдвоем. От работы, со стороны казавшейся нетрудной,

на открытом солнце меня уже через полчаса начало подташнивать. Хотелось сесть на песок и отдышаться, глаза заливал пот, и все тело было липким и чужим. К счастью, сети вскоре закончились, и я вознамерился потихоньку улизнуть, но не тут-то было: хромой рыбак, с которым я работал в паре, махнул мне — мол, пойдем, поможешь!

Сверху снаряженные лодки накрывали деревянными щитами, напоминавшими деревенские крыши. Мой напарник стал впереди. Уж не знаю, сколько весила та крыша, а только дважды по дороге я просил передышки. Рыбак смотрел на меня с сомнением. Маленький, черный — мне он казался муравьем, способным тащить груз в десятки раз превышающий собственный вес.

Солнце клонилось к западу, шторм, наконец, затих, и лодки были готовы к выходу в море. Кто-то угостил меня кокосовым орехом, и я от нечего делать спросил, сколько мне причитается за работу. Рыбаки разом посерьезнели и заговорили между собой на местном языке, малайалам. Разговор длился долго, и я не раз успел пожалеть о своей глупой шутке. Наконец, бригадир повернулся ко мне и сказал, что хоть я и работал не хуже остальных, заплатить мне, как помощнику, могут лишь половину рыбацкого жалованья. Я понимающе кивнул — мне причиталось сорок рупий, или что-то около доллара. Бригадир принялся отсчитывать деньги, а на меня вдруг накатил приступ смеха. Я смеялся и не мог остановиться. Спроси кто-нибудь из рыбаков, что меня рассмешило, и я бы не ответил. Все во мне пузырилось, как пиво, благодарностью за то, что свободен: могу жить, где хочу, могу, гуляя по берегу, остановиться и помочь рыбакам, и, главное, могу с легкостью отказаться от того, что заработал!

Жизнь была прекрасна тем, что все еще оставляла выбор. Я с разбега нырнул в волну и не почувствовал волны — вода и кровь были одной температуры. В этом океане можно было жить. Мы в нем когда-то и жили в полной гармонии с самими собой, жили и были счастливы. А потом выползли на берег, лишились жабр, нарастили позвоночник, и все пошло через пень-колоду. У многих, во всяком случае…

Я возвращался на Северный мыс, пиная найденный по дороге теннисный мячик и насвистывая старинный французский марш. Перед ресторанами уже выставили столы со свежей рыбой. Рядом мальчики раздували угли в грилях. Опускался вечер, и туристы готовились съесть то, что за день наловили для них рыбаки. Я долго смотрел на двухметровых акул и лишь немногим уступавших им голубых марлинов, на сочащихся кровью тунцов и страшных в своем изяществе меч-рыб, потом обошел рыбу

помельче — желтохвостиков, морских окуней, скумбрий — и никак не мог выбрать, кого сегодня буду есть. Наконец, я заказал плоскую рыбину, похожую на камбалу, — уж больно аппетитно ее нахваливал местный ресторатор, и устроился с бутылкой пива за столиком у края обрыва. В полусотне метров внизу шумел океан. Полоска горизонта, как щель в гигантской раковине, напоминала фотоснимки из космоса. Она светилась напряженным светом, в котором были различимы все семь составляющих. Под ней на черной воде виднелись рыбацкие лодки. Я всматривался в сумерки, даже не пытаясь найти «своих» рыбаков — просто думая о них. Они остались в другой жизни — жизни, к которой я на мгновенье прикоснулся, сматывая сети на горячем песке. А теперь вернулся к своей. Мы все были свободны, и каждому из нас был дан выбор. Рыбаки выбрали рыбачить, а я выбрал рыбу, похожую на камбалу.

На берегу, прямо подо мной, какой-то мальчик укладывал снасти в короткую лодку со скрученным вокруг мачты парусом. Официант принес дымящуюся, завернутую в пальмовый лист еду. Я отогнул жесткий темно-зеленый лист, и рыбина взглянула на меня запекшимся янтарным глазом. Только сейчас я почувствовал, как проголодался. Мальчик внизу изо всех сил толкал лодку, пока та не пошла — вначале медленно, потом все быстрее она отходила от берега. И на ходу он прыгнул в нее.

— Что он там делает? — спросил я официанта, показав вниз. Мой взгляд метался между блюдом, от которого шел тяжелый дурманящий запах, и незнакомым мальчиком, который отчего-то тоже тревожил меня.

— Уходит рыбачить. Что-то случилось, сэр? — официант явно не понимал, чего я от него хочу.

— И родители пускают его одного? Ему ведь лет пятнадцать, не больше…

— Тринадцать, сэр. У него отец вчера утонул.

— Это тот, который в одиночку ходил?

— Тот самый, сэр.

Передо мной лежала плоская свежепожаренная рыба, чуть дальше лодка — крошечное суденышко с тринадцатилетним мальчиком — уходила в море, и совсем далеко все еще светился наэлектризованной нитью горизонт.

— Не нашли его?

— Пока нет, сэр. Чего-нибудь еще?

На подступах к Калачакре

1. Даниэль

Шел шестой и последний день моего пребывания в Манали. Как и предыдущие пять, он был дождлив и холоден. Устав от бесконечного сидения в номере грязной саморазрушающейся гостиницы, я спустился по тропинке, стараясь не вступить в разбросанные тут и там коровьи лепешки, и вышел на главную улицу Вашишта — поселка, расположенного на окраине Манали.

На верхушке холма, там где дорога заканчивалась тупиком, мокли три рикши, из магазинов выглядывали понурые продавцы. Я был единственным пешеходом на весь дождливый Вашишт. Из открытого окна на втором этаже негромко играли гитара и скрипка. Отчетливо помню как в тот момент подумал о том, что устал от звучавшего кругом рэгги, и по узкой витой лесенке поднялся на второй этаж.

Это была обычная столовка — с грязными стенами и несвежими скатертями на кривоногих столах. Почему-то в Индии именно в таких вкуснее всего и кормят.

Я сел за столик в углу. За соседним, спиной ко мне, сидела молодая женщина с красивыми беспорядочно разбросанными по спине каштановыми волосами. Кроме нас в столовке было еще двое: средних лет бородатый садху, читавший The Times of India, и молодой кучерявый брюнет с книжкой на иврите. Я заказал сырный сиззлер с грибами и в ожидании стал разглядывать мокрую улицу через настежь раскрытое окно. Из созерцательного состояния меня вывел вопрос соседки.

— Вы до конца смотрели Чехию с Ганой? Какой счет? — не поворачиваясь, спросила она, словно до этого мы вели долгий неторопливый разговор.

— А вы за кого болели? — только и нашел я ответить.

— Ни за кого. Просто скучно, вот и спросила.

Я намеревался продолжить разговор в том игривом ключе, который обычно хорош со скучающими женщинами, но кучерявый молодой человек опередил меня, сообщив результат матча. Он говорил по-английски с выраженным акцентом и с трудом подбирал слова. Девушка ответила на иврите. Они обменялись еще несколькими фразами и замолчали. Я не знал, как возобновить разговор с соседкой. Она тем временем скрутила длинную "козью ногу", со вкусом затянулась и выпустила огромный клуб дыма. Мне вдруг тоже захотелось курить. Как

только я осознал это свое желание, девушка повернулась ко мне и протянула дымящийся "косяк".

— Будете? — спросила она уже знакомым тоном. На сей раз я смог рассмотреть ее лучше. У нее были раскосые смеющиеся глаза и большой привлекающий внимание рот. В ее лице трудно было найти еврейские черты.

Я взял "косяк" с чарасом, молча затянулся и пересел за столик к соседке. В Манали не было ни одного дня, чтобы меня кто-нибудь не угощал "хашем". Гашиш здесь продается в каждой гостинице, в такси и просто на улице. Все население долины Куллу и соседней Парвати занято его производством.

Здесь слишком холодно для того, чтобы выращивать марихуану. Еще нераскрывшиеся цветки конопли растирают руками прямо на стебле, после чего ладони становятся черными от тончайшего слоя пыльцы, которая и есть гашиш. Пыльцу скатывают с кожи, прессуют в блоки, развешивают по 10 грамм и продают по 500 рупий за порцию. В Узбекистане в советские времена по полям цветущей конопли гоняли голых солдат. Растревоженная пыль оседала на потных телах, ее вместе с грязью скатывали в "колбаски" и получали анашу — тот же гашиш, но качеством похуже. А еще в Манали есть чарас — гашишное масло. Его добывают так же, как и гашиш, но потом пластины кладут на лед — благо в окрестных горах в долинах Куллу и Парвати лед не тает круглый год. Когда пластины замерзают, их растапливают на солнцепеке. Отжим — и есть чарас. От него улетаешь куда дальше, чем от "хаша".

Я затянулся еще раз и передал "джойнт" девушке.

— Где ты был до Манали? — спросила она. Я угадал это "ты ": ее глаза перестали смеяться, и голос сделался глуше. Она неотрывно смотрела на уголек сигареты, словно боялась, что без поддержки взглядом она погаснет. Я вдруг почувствовал неловкость и отвел глаза.

— В Ладахе. А ты?

— И как там? — спросила девушка, не обратив внимания на мой вопрос.

Я не знал, что ответить.

Ладах был разделен надвое: до Калачакры и потом, когда десять дней кряду я наблюдал вначале за ее строительством, а дальше — за разрушением.

— Я мало успел посмотреть, десять дней провел в монастыре.

Девушка, наконец, оторвала взгляд от сигареты.

— Что ты там делал?

— Наблюдал, как ламы строят Калачакру. Знаешь, что это?

— Совсем немного. Вот, читаю, смотри, — и девушка

перевернула лежавшую на столе книгу. Точно такая же, с танцующим ламой на обложке лежала в моей сумке. Я достал ее и положил рядом с первой.

Мы сидели с опущенными глазами и молча смотрели на книги. Какие еще знаки нужны, чтобы подтвердить неслучайность встречи?! Я чувствовал дрожание внутри, словно что-то вот-вот должно было произойти. Она положила руку на мою книгу, я — на ее, и наши пальцы — самые кончики — коснулись друг друга.

— Как тебя зовут? — Я не смел ни убрать руку, ни продвинуть ее дальше.

— Даниэль, — сказала девушка и наконец посмотрела на меня.

Надо пожить в Индии, чтобы понять, что эта страна прекрасна не столько горами, пляжами и храмами (хотя и ими, конечно!), сколько неожиданными скрещениями судеб и путей с такими же, как ты сам, бродягами. Когда на мгновенье в поезде, на рынке или в храме пересекаешься взглядом, обмениваешься словом и чувствуешь всепоглощающую непереносимую близость. Словно приехал сюда лишь для тог, чтобы на мгновенье встретить именно этого человека. И потом, спустя месяцы, эта встреча будет вспоминаться, как самый важный момент путешествия.

— Расскажи о Калачакре, — нарушила молчание девушка, — это ведь Тантра?

— Тантра. Высшая йога Тантры, — сказал я и начал рассказ о том, что занимало всего меня последние две недели.

...

Глава тринадцатая. Пес из чужой стаи

Арамболь

Каждый вечер солнце садилось далеко в море. Я заранее взбирался на скалу по соседству с гостиницей, устраивался на плоском камне лицом к воде и сосредоточенно ждал заката. Вскоре светило доползало до точки напротив меня, зависало над качавшимися под моими ногами пальмами, а потом по-южному быстро погружалось в воду. На месте падения оставалось — всегда одно и то же! — узкое, растянутое вдоль линии горизонта облако. Еще некоторое время его края были подсвечены бордовыми сполохами, но вскоре темнели и сливались с остальным небом. К этому моменту в кронах деревьев уже плескалась темнота, и спускаться приходилось при свете карманного фонарика.

Так повторялось изо дня в день. Закаты были похожи друг на друга, и если бы не календарь в интернет-кафе, я бы и вовсе потерял счет времени. Жизнь в Арамболе полнилась созерцательностью. Все здесь — от ресторана до океана — было устроено так, чтобы не потревожить приезжего, не помешать ему вглядываться в самого себя. Под монотонное бормотанье волн взрослые становились детьми, и в этом вернувшемся детстве не надо было думать о хлебе насущном и прочей суете сует. Вместо хлеба здесь были почти бесплатные фрукты, а материнскую ласку дарила разогретая до температуры тела океанская вода. Собственно, функция закатов в этом ряду вселенских услуг заключалась в том, чтобы отделить жаркую полуденную лень от прохладной лени вечерней. С последними лучами солнца постояльцы итальянского гестхауза вставали с шезлонгов, набрасывали на бронзовые тела пестрые индийские рубахи и направлялись с пляжа к стоящему в двадцати метрах открытому ресторану. Впрочем, так поступали далеко не все: многие, заняв места под парусиной за завтраком, так и не выходили на солнце в течение всего дня.

Итальянским гестхауз называли потому что лет тридцать назад, когда в Арамболе еще не было туристов, это место облюбовала группа хиппи из Италии. Они научили индийцев выращивать свой любимый салат рукколу и готовить с полдюжины видов пасты. Со временем компания перестала быть однородной: кроме итальянцев, здесь можно было встретить немцев, англичан и еще невесть кого. Поселялись уже не по

географическому, а по возрастному признаку: многие из постояльцев выглядели на шестьдесят, а несколько «олдовых» были и того старше.

За крайним столиком сидел Джулио — высокий худощавый итальянец, из «первой волны». Был он разговорчив и прост в общении. В первый же день я узнал о главном событии его жизни — встрече в 1968 году в Ришикеше с битлами. За их счет, как оказалось, Джулио и жил: лет двадцать назад предприимчивый итальянец выгодно продал фотографии, тайно нащелканные в период, когда «Битлз» увлеклись Махариши. Он давно и прочно обосновался в Гоа и покидал свое место за столиком в итальянском ресторане лишь для того, чтобы освободить организм от выпитого пива. В остальное время перед ним, кроме бокала знаменитого «Кингфишера» и пачки «Лаки страйк», неизменно лежал раскрытый номер «Таймс оф Индия». Джулио любил поговорить о политике или просто вслух комментировал прочитанное.

Противоположный угол занимал Фрэнк. Кажется, он был немцем. Впрочем, углом его любимое место можно было назвать с натяжкой — ресторан не был огорожен, и только парусиновая накидка, заменявшая крышу, помогала очертить его границы. Фрэнк держал на бедре тренинг-гитару — попросту говоря, гриф без деки — и безостановочно что-то наяривал. Лицо его оставалось невозмутимым, а гладко выбритая голова дергалась, воспроизводя замысловатый ритмический рисунок. Из-за того, что музыку слышал лишь сам музыкант, выглядел он ничуть не менее дико, чем человек, на ходу говорящий по «мобильнику» через микрофон.

Было много длинноволосых пожилых людей, не обращавших ни на кого внимания, сосредоточенных на себе, присутствовавших с отсутствующим видом. Еще были женщины — пожилые хиппушки, высохшие и почерневшие на индийском солнце. То ли из-за перебора наркотиков в молодости, то ли, наоборот, по причине здорового образа жизни в зрелые годы глаза их лучились глубинным внутренним светом и казались не по возрасту пытливыми и живыми. Наконец было две пары, попавших в гестхауз, как и я, случайно. Они сидели за разными столиками, но читали одну и ту же книгу — абсолютный бестселлер того года «Код да Винчи». Но при этом одна пара читала на английском, а другая — на португальском.

Я жил в комнате на втором этаже, в доме за рестораном. Отсюда можно было подняться на крышу, с которой открывался вид на половину Арамболя. Во дворах в беспорядке стояли «байки», между «байками» бродили свиньи.

Португальцы, высадившись в Гоа в 1510 году, первым делом построили порт для отправки специй в Европу. А вторым — привезли инквизицию. Вскоре после этого местное население поголовно потеряло интерес к индуизму и полюбило свинину. Об инквизиции напоминали две огромные свиноматки, свившие под моим окном гнездо для своих детенышей и наводившие ужас на постояльцев итальянского гестхауза. Они пожирали все, что встречали на своем пути, с таким хрустом, что без труда можно было представить их грызущими, скажем, берцовую кость белого человека.

Через стену от меня находилась фруктовая лавка. Ежедневно я съедал гору бананов, апельсинов, слив, гуав, папай, киви и еще бог знает чего. Но самыми вкусными были манго! Свиньи их тоже предпочитали всему остальному. Опорожнив очередной пакет фруктов, я выбрасывал очистки с балкона прямо во двор. Тотчас же с разных его концов сбегались разнокалиберные хрюшки и начинали сражаться за манговые шкурки. И не было пощады малышам! После того как побоище заканчивалось, по всему двору валялась лишь кожура апельсинов (ее свиньи ели неохотно и оставляли на совсем уж безрадостный день). И тогда раздавался знакомый звук — звери опять грызли чью-то берцовую кость.

И все же две дюжины домашних животных доставали меня меньше, чем две жившие на первом этаже израильтянки. Девушки, как и большинство населяющих Арамболь их соотечественников, только что отслужили в армии и насмотрелись там такого, что обычная «трава», похоже, не помогала. Они приехали в Гоа реабилитироваться, поэтому не ходили ни на пляж, ни в ресторан — а только на трансовые вечеринки. В остальное время они врубали на полную катушку техно и сидели в шезлонгах с мерцающими на лицах улыбками.

На третий или четвертый день после приезда в Гоа я решил половить крабов. В бухте под скалой, с которой я наблюдал закат, было разбросано множество огромных камней. Волны, отхлынув, обнажали покрытые водорослями расщелины, из них торчали уродливые клешни и пучеглазо пялились на мир их хозяева. Туда-то я и решил направиться.

Почему-то я считал, что крабов лучше всего ловить на рассвете. Выйдя с восходом солнца на пляж, я увидел, как десятки местных жителей, ловко орудуя граблями, собирают мусор. Полиэтиленовые пакеты, пробки от бутылок, сами бутылки, обрывки газет, огрызки — все эти приметы цивилизации занимали свое место в мешках и уносились с пляжа. Судя по тому, что ко времени моего прихода уборка была почти закончена, работать местные начали еще до рассвета. Туристы,

надо полагать, еще спали. Лишь двое — мужчина и женщина — метрах в двухстах друг от друга занимались йогой. Наконец уборщики собрали мешки и инструменты и потянулись в поселок. Я уже направился было к скале, когда неподалеку раздался многоголосый лай и следом из кустов вылетела собака. За ней гналось пять или шесть товарок, и при этом все они заливисто лаяли. Беглец — кобель с неправильной формы белым пятном на плече, мчался что есть сил, но расстояние между ним и преследовавшим его крупным желтым псом быстро сокращалось.

Присмотревшись, я узнал в преследователе Зорна — одного из пяти псов, живших при итальянском ресторане. Убегавший был из чужой стаи — их гестхауз находился слева от нашего.

Собаки летели прямо на меня.

— Зорн, Зорн! Фу! — крикнул я. Пес остановился и показал клыки. Вряд ли он понял команду, просто я оказался на его пути. Его бока раздувались, он все еще гнался за врагом. А враг тем временем неспешно сделал несколько шагов и улегся на песок за моей спиной.

Здесь надо сделать отступление и рассказать о собаках Гоа. Они того стоят!

Эти удивительные создания не только сами сбиваются в стаи, но и вовлекают в них людей. Раз ты питаешься в том же ресторане, где я лежу на песке, значит, мы — вместе. Мы — союзники, а может даже и друзья! Так, наверное, должен был думать Зорн. И непонимание отражалось на его морде. Он не мог взять в толк, почему я не наподдам ногой этому пятнистому нахалу, чтобы он, Зорн, снова мог гнать его по всему Арамболю.

Собаки Гоа похожи друг на друга так, как похожи щенки одного помета. Наверное, это когда-то и был один помет. Но прошли сотни, тысячи лет, а сходства не убавилось. Желтый, точнее, песочный Зорн был типичным представителем местного собачьего племени. Такими, как он, — короткошерстыми, с чуть приподнятым задом и надломанными ушами были и его сородичи. Противник Зорна был тоже желтым, но пятно на плече делало его непохожим на остальных собак Арамболя.

«Потому и гонят», — подумал я и, посчитав инцидент завершенным, хотел отправиться за крабами. Но стоило мне сделать шаг, как Зорн, а за ним и вся стая подались в сторону пятнистого. При этом у всех одновременно угрожающе встали холки. И тут произошло нечто совсем необычное: пятнистый поднял голову, посмотрел мне в глаза и неподвижно застыл у моей левой ноги. Это казалось абсолютно невозможным, но он выполнял команду «рядом». И когда я двинулся в сторону бухты, пес пошел бок о бок со мной — не отставая и не забегая вперед.

Те несколько часов, что я провел в охоте на крабов, Спот — так, из-за пятна, я назвал приблудного друга — проспал на нагретых утренним солнцем камнях. Глядя на безмятежно посапывающего пса, я позавидовал: надо же, словно и не убегал только что от бешеной стаи! Вот бы научиться так же разделываться с неприятностями!

Возвращались мы вместе, однако теперь мой спутник шел впереди и лишь изредка оборачивался в мою сторону. Солнце поднялось высоко, но настоящая жара еще не наступила, и на пляже было полно загорающих. Возле своего гестхауза Спот остановился — дальше ему и в лучшие времена хода не было: там начиналась территория Зорна. Проходя мимо, я легко потрепал пса по холке. Делать этого не следовало, я был из чужой стаи. Спот отошел на несколько шагов в сторону и с безразличным видом улегся на песок.

Я отнес крабов на кухню и уже поднимался по лестнице к себе в комнату, когда с пляжа донесся лай, потом вой, даже не вой — хрип! Следом раздались жуткая ругань и вопли. Почувствовав неладное, я бросился назад. Мне не надо было объяснять, что происходит! Первый, кого я увидел, был Зорн. Он стоял, сомкнув зубы на загривке своего врага. Пятнистый делал все, чтобы вывернуться, но ему это не удавалось. От безнадежности он то ли выл, то ли плакал. Зорн тем временем пристраивался для завершающего удара.

То, как собаки расправляются с противниками, я видел однажды. Тогда ротвейлер так же поймал добермана и неторопливо, не обращая внимания на бегающих вокруг хозяев, поднял голову с зажатой в пасти холкой, а потом резко всем телом рванулся вниз. Отчаянно сопротивлявшийся за мгновение до этого доберман тотчас обмяк, а дальше и вовсе рухнул на землю, чтобы больше не подняться — у него был сломан шейный позвонок.

Нынче все решилось в одно мгновенье. Краем глаза я успел заметить вскочивших из-за столиков хиппи и столпившихся у входа кухонных рабочих. Я увидел напряженно повернутые головы загорающих, и — словно со стороны — самого себя, готового броситься к собакам. Но прежде чем кто-то успел сдвинуться с места, в воздухе мелькнула тень, и в следующее мгновение на хребет Зорна обрушился страшный удар. Пес дернулся всем телом, разжал хватку и рухнул на песок. В метре от него стоял черноволосый юноша с веслом в руке. Было ему лет двадцать, не больше. Глядя на его хрупкое тело, не верилось, что он легко управился с тяжелым веслом. Лицо юноши было мне знакомо: я видел его у себя под окнами в компании

израильтянок.

Вместе с ударом ожил неподвижный за секунду до этого мир: Спот приподнял голову и, шатаясь, встал на лапы, на пляже истерически закричала женщина, с дороги донесся рев «байков», где-то заиграла музыка, точнее, сразу несколько музык. А со стороны ресторана по песку бежали хиппи. Пожилые длинноволосые люди с комплекцией засушенных мальчиков нелепо размахивали руками и сами себя подбадривали воинственными криками. Пацифисты и поборники ненасилия окружили юношу и, похоже, не знали, что делать дальше. Они суетливо толкали его в грудь, шумели и показывали на лежавшего на песке пса. Мне это напомнило наши мальчишеские драки: во времена моего детства именно толкались — в грудь, в бока, — а в лицо бить было нельзя!

Хиппи было пятеро, и на мгновение ударивший собаку израильтянин потерялся за их спинами. Но уже в следующий миг произошла сцена, напомнившая дешевые китайские боевики. Хиппи разлетелись в стороны, а хрупкий юноша, чуть присев на широко расставленных ногах, с руками, похожими на двух поднявших головы кобр, ждал нового нападения. Но ничего больше не произошло. Никто, кроме Джулио, даже не смотрел в его сторону. Джулио же, держась за горло — судя по всему, удар пришелся именно туда, — на ходу что-то сказал израильтянину. Тот побледнел и сделал шаг по направлению к итальянцу, но в последний момент передумал, развернулся и медленно пошел к своему гестхаузу. Спот, пошатываясь, отправился следом, а хиппи склонились над Зорном. Они молча сидели на корточках вокруг умиравшего пса и тихо-тихо — больше для себя, чем для него — гладили его голову и чесали за большими желтыми ушами. Хиппи были из стаи Зорна и сейчас оплакивали своего вожака.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся.

— Крабы готовы, — сказал Тони, официант, а по совместительству хозяин ресторана, и поставил на стол кастрюльку с рвущимся из-под крышки паром.

Вечером, после заката, перед тем как идти в ресторан, я поднялся к себе в комнату. Под балконом израильтянки упаковывали вещи. Их ждал в шезлонге черноволосый юноша. Рядом с ним стоял уже сложенный рюкзак.

В ресторане было более пусто, чем обычно — не было ни Джулио, ни Фрэнка… И остальные вели себя как-то тихо. Я подозвал Тони и спросил, как Зорн.

— Повезли в лечебницу, — он кивнул в сторону поселка. — Чтоб не мучался…

— Мои соседки уезжают, — сказал я сам не знаю зачем.

— За компанию, — откликнулся Тони. — Их друга выставили, вот и они туда же...

— Значит, просто в другой гестхауз?

— Вряд ли, — покачал головой индиец. — В Арамболе его никто не пустит. С ним здесь больше не будут разговаривать.

Мимо ресторана прошли три тени. В темноте было видно, что на спинах у всех троих рюкзаки.

«Тоже собаки — бездомные и нервные. Как хиппи, только по-другому», — подумал я и смертельно захотел оказаться дома, в Москве. Постирать вещи, лечь на диван и уставиться в сложенный из бетонных плит побеленный потолок. И рассматривать трещинки, которые знаю на память.

Глава восемнадцатая. Под стук колес

Дели—Потанкот

В Индии душа предрасположена к мистическому или, как сказал бы незабвенный Веничка, к сверхдуховному. Потому что просто духовного здесь — ешь не хочу! Оно повсюду: в храмах, в монастырях, в горах и на океане, мерцает золотыми слитками буддизма и индуизма — сегодня, как тысячи лет назад. Но главное в Индии все-таки люди! Каких только сумасшедших святых и святых сумасшедших не встретишь на дорогах Индостана! Чего не наслушаешься в плацкартных вагонах индийских поездов! Но и среди этих удивительных встреч и разговоров бывают особенные — такие, что волосы начинают шевелиться сами собой и хочется ущипнуть себя за мочку уха, чтобы проверить, не сон ли это.

О Веничке я вспомнил не случайно. Он для меня и всегда-то был мерилом духа, а тут еще не без его участия случилось у меня необычное знакомство.

Стремясь укрыться от адской апрельской жары, я купил билет из Дели до Потанкота. Оттуда я рассчитывал добраться автобусом до Дхарамсалы и дальше, в Гималаи. Нормальные путешественники ездят по Индии в «слипперах». Ближе всего это к нашей плацкарте, но при этом существует как минимум двадцать восемь отличий — именно столько я насчитал, когда ехал из Карвара в Дели. Главное среди них то, что в каждой секции индийского вагона помещается не шесть полок, как у нас, а восемь — по три друг над другом в купе и две боковые. При этом число пассажиров вовсе не должно равняться восьми — их там ровно столько, сколько влезет.

Зная такую особенность индийской железной дороги, я пришел на вокзал в Дели за полчаса до отправления, разыскал свой вагон и устроился на нижней полке. Поезд понемногу наполнялся людьми. Надо мной устроилась нестарая жительница Потанкота. Я перекинулся с ней несколькими фразами и заручился обещанием довести меня в Потанкоте до автобусной станции. Еще выше, на самом верху, разместились две девушки-студентки. С каждой минутой шум в вагоне становился все громче. Надо сказать, что обычно воспитанные и невредные индийцы в поездах становятся настоящими исчадиями ада. Если они садятся среди ночи, то обязательно включают свет и галдят так, словно никого, кроме них, во всем составе нет, и при этом

сами они все как один глухие. Если же их поездка выпадает на светлое время суток, то они, рассевшись на нижних полках, орут еще громче, чем ночью. Удивительно, что раздражает это только европейцев.

Мне иногда кажется, что у индийцев рецепторы устроены как-то иначе, чем у белых людей. К примеру, на ночных дорогах при появлении встречной машины никто и не думает выключать дальний свет. Едут, смотрят и улыбаются! Через десять минут такой езды я напрочь терял зрение, а водитель Саид безмятежно вел свой «амбассадор», ежеминутно фехтуя лучами света с такими же, как он сам, бесчувственными коллегами. А еще мне не раз доводилось наблюдать, как индийцы, налив в стеклянный стакан с огня масала-чай [Масала-чай — чай со специями; в разных регионах Индии применяют имбирь, корицу, гвоздику, кардамон и др.], обхватывают его всей ладонью и при этом даже не морщатся. Крик, превышающий все мыслимые децибелы, воспринимается ими с таким же равнодушием…

Я намеревался продолжить свои размышления о толстокожести индийцев, но в этот момент в купе ворвались пятеро юных аборигенов. Юноши плюхнулись на сиденье передо мной, вжались друг в дружку и отчаянно загалдели. Чтобы как-то отгородиться от веселой компании, я достал из рюкзака книгу и принялся читать. И за чтением пропустил, как возник еще один пассажир. Судя по всему, в вагон он вошел в самый последний момент, когда поезд уже трогался. Каким-то таинственным способом мужчина расчистил себе место и уселся как раз напротив меня. Был он коренаст и некрасив. Мало сказать некрасив! Он был отмечен тем сократовским уродством, которое делает человека значительным и заставляет относиться к нему всерьез. На мгновенье наши глаза встретились, но я тотчас же снова уткнулся в книгу.

В путешествии по Индии книги занимают особое место. В первые несколько недель читаешь то, что взял из дому, а потом запасы кончаются. В ближайшем городе отправляешься в книжный магазин, где с досадой обнаруживаешь, что какой-нибудь Кришнамурти писал совсем не на том английском, которому учили в школе. А кроме того, стоимость книжки равна трем дням проживания в Индии. В результате выходишь из магазина расстроенный и духовно необогащенный. К счастью, когда не работают товарно-денежные отношения, на помощь приходит натуральный обмен! В гостинице вдруг замечаешь несколько книжных полок, из которых торчат корешки изданий на всех языках мира. Правила просты: отдай пару своих книжек и забирай ту единственную, что приглянулась. Чего здесь только

нет! В Варкале на подобном книжном развале я отыскал «Пособие для молодого фрезеровщика», изданное в Воронеже в 1962 году. А в Бангалоре наткнулся на украинский раритет времен перестройки и гласности под названием «Дорога до Бога». На последней странице обложки, там, где обычно публикуют выдержки из прессы, был напечатан всего один отзыв. Помню его почти дословно, хоть и в русском изложении.

«Ты держишь в руках ту единственную книгу, которую должен прочесть каждый живущий на Земле. Она станет главной в твоей жизни и сделает твое существование осмысленным. После нее у тебя не останется вопросов о том, зачем ты пришел в этот мир и что тебе надо делать. Потому что это лучшая из когда-либо написанных книг обо Мне».

Строкой ниже стояла подпись: «Бог».

«Пособие» и «Дорога» представляли собой два наиболее популярных типа книг, встречающихся на гостиничных полках: первая относилась к руководствам к действию, вторая — к нравоучительно-мистическим произведениям. К этим последним следовало отнести и книгу, которую я читал в поезде. Называлась она «Величайшее чудо». Судя по первым страницам, таким чудом автор считал собственное произведение. Моя оценка книги была не столь высока. Больше всего меня расстраивало то, что выменял я ее на куда более полезные «Тибетскую книгу мертвых» и «Как открыть третий глаз»! Так или иначе, другого чтива у меня не было, и оставалось через силу читать о косматом старьевщике, через которого автор постигал смысл жизни.

Неожиданно сосед напротив обратился ко мне.

— Вы читаете по-русски? — спросил он, перекрикивая хохочущих соседей. У него было подчеркнуто правильное британское произношение.

— А вы что, знаете русский язык? — Я удивился: до сих пор русскоговорящие индийцы встречались мне лишь в Гоа.

— Пытался учить по самоучителю, но дальше алфавита дело не пошло.

— Ну, наш алфавит, кажется, намного проще вашего, — вежливо (насколько возможно вежливо кричать) заметил я и, посчитав, что разговор закончен, без особого желания вернулся к чтению. Но сосед, похоже, не намеревался сворачивать беседу. Он кашлянул и, явно смущаясь, вновь обратился ко мне:

— Хочу поговорить о вашей литературе… Не возражаете?

Я молча кивнул и приготовился слушать признания в любви к «Войне и миру» или «Преступлению и наказанию». Но уже следующая фраза вывела меня из состояния благодушия и заставила удивленно взглянуть на собеседника.

— Вы бывали в Петушках? — произнес он и уставился на меня, словно от моего ответа зависело его будущее. Для верности я переспросил, идет ли речь о «Петушках» Ерофеева. Индиец подтвердил.

Признаться, при всей моей любви к Веничке, я почти ничего не знал об истории создания его удивительного произведения. И самого автора видел лишь однажды, почти случайно попав в Донской монастырь на его отпевание. Как пошло это ни прозвучит, в тот раз Венедикт Ерофеев поразил меня своей красотой. Он лежал в гробу и совсем не был похож на того Веничку, чей образ я создал в воображении, слушая по Би-би-си главы его книги. Смерть не исказила черты его лица — они были чисты и правильны. Челка, словно отказываясь подчиниться законам небытия, своевольно падала на высокий лоб, а кожа была столь светла, что мне почудилось сияние над головой покойного. Что до Петушков и прочих географических реалий поэмы, то я никогда не задумывался, существуют они на самом деле или попросту выдуманы автором.

Обо всем этом я и рассказывал любознательному индийцу, а тот восторженно слушал. Так продолжалось до тех пор, пока я не дошел до своих сомнений в существовании Петушков. Тут собеседник нахмурился и перебил меня странным вопросом.

— Отчего, — спросил он, — вы верите в реальность Кремля, хотя для Венички он явно нематериален и вообще продукт иного мира, но при этом допускаете, что он выдумал Петушки?

Я не нашел, что ответить.

— Вам может показаться странным, но Веничка мне видится русским Вивеканандой, а его Петушки — аналогом южной оконечности Индостана, мысом Канья-Кумари, куда великий учитель пешком шел через всю Индию. При многих различиях, по сути Веничка — такой же, как Вивекананда, монах! И слова ангелов для него понятнее тех, что произносят соседи по вагону и вообще люди. А знаете, что для автора Кремль?

Я смотрел на соседа во все глаза. Тот был так возбужден, что у него непроизвольно подергивалось веко. Чувствовалось, что он говорит о том, что давно занимает его мысли. Его возбуждение передалось остальным пассажирам. Затихли юноши, свесилась с полки надо мной еще не старая жительница Потанкота, обещавшая довести меня до автобусной станции, и совсем уже из-под потолка выглядывали два внимательных личика подружек-студенток. Казалось, и в других отсеках прислушиваются к нашему разговору.

— Так вот, Кремль для Венички — олицетворение материального мира. Того самого мира, что ловил и не поймал

украинского философа Сковороду. Помните? — Индиец торжествующе посмотрел на меня. — Только Веничка не бежит от мира, а сам безуспешно ищет с ним встречи. Вот бы узнать, зачем она ему… Зачем ему Кремль, когда все его помыслы заняты небесными Петушками? Для него же и пьянство — освобождение от земных пут и упадание в небо. И сам он при этом — один из величайших мистиков и пророков — выбирает поезд. И мы с вами тоже выбрали поезд… У каждого свои Петушки… Под стук колес…

Язык соседа начал заплетаться. Казалось, вот прямо здесь, за разговором, он умудрился незаметно заглотить полбутылки водки. Но я-то точно знал, что этого не было! И оттого вдруг мелькнула мысль, все ли в порядке у меня с головой. Я уже не слушал собеседника, но неотрывно смотрел в его меняющееся на глазах лицо. Оно втягивало меня, как водоворот, в глубине которого сквозь безобразные составляющие проявлялись новые черты: светлый спадающий на лоб чуб, серые смеющиеся глаза, прямой нос… Это не могло быть ничем иным, как гипнозом. Я знал верный способ уйти из-под власти гипнотизера: надо было о чем-нибудь спросить его.

— Кем вы работаете? — обратился я к почитателю Венички. Мой вопрос, похоже, прозвучал слишком резко — собеседник вздрогнул и не сразу ответил.

— Учителем… Учителем ботаники. Разве это имеет отношение к книге?

— Не знаю, — сказал я, радостно наблюдая, как лицо собеседника возвращается к привычному уже уродству. Теперь надо было увести разговор подальше от злосчастной поэмы, и я тоном психиатра спросил о том, с какими еще произведениями русской литературы знаком необычный пассажир.

— Я прочитал всего Платонова, — немедленно отозвался мужчина. — Но особенно люблю «Чевенгур». Помните сцену, когда колхозники, чтобы стать лучше, берут вместо старых новые имена? Там еще образцами для подражания они выбирают Гракха Бабефа, Бебеля и других революционеров… Вы не думаете, что Платонов был хорошо знаком с индийским учением об аватарах?..

Веко у соседа снова дергалось и расстояние между глаз, казалось, сделалось в полтора раза шире.

До Потанкота мы добрались под утро. Учитель ботаники вышел часа за два до этого на небольшой станции, название которой я не запомнил. Он не попрощался и вообще постарался исчезнуть как можно незаметнее, словно сделал что-то неприличное или совершил какой-то проступок. Несколькими неделями позже, в Дхарамсале, в итальянском кафе, я

познакомился с известным переводчиком тибетской литературы на русский. От него я узнал о литературных медиумах — людях, настолько глубоко вживающихся в книги, что способных заимствовать черты любимых персонажей на физическом уровне. Необычность случая, происшедшего в поезде Дели—Потанкот, по словам моего нового знакомого, была в том, что медиум вживался не в Махабхарату или Упанишады, как это происходит чаще всего, а в русские книги.

— При этом у вашего попутчика, похоже, отличный вкус! — заметил переводчик, делая крошечный глоток ароматного кофе, какой только и варят в Индии в итальянских кафе. — Быть может, в прошлой жизни он был вашим соотечественником. А если нет, то это еще одно доказательство величия русской литературы!

Карта путешествия